

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

дөньясы

№ 3 (6302) 2009

Воспоминания
Роберта
Нигматулина

Лидии
Сейфуллиной
120 лет

с. 4-5

Беседа с Лимой
Кустабаевой

с. 3

Стихи
Алены
Каримовой

с. 15

О судьбе
татарского
кино

с. 9

Ренат ХАРИС

ТАНЦУЕТ ТАТАРОЧКА

Ах, как робко,
тихо как
танец начинает!
Будто тесто на чак-чак
мелко нарезает.

Сарафан – от плеч до пят,
блики вдоль подола.
Маслом ичиги шипят,
чуть касаясь пола.

Две косы, прильнув к груди,
блещут чернью сажи.
Две косы,
как две змеи,
замерли на страже.

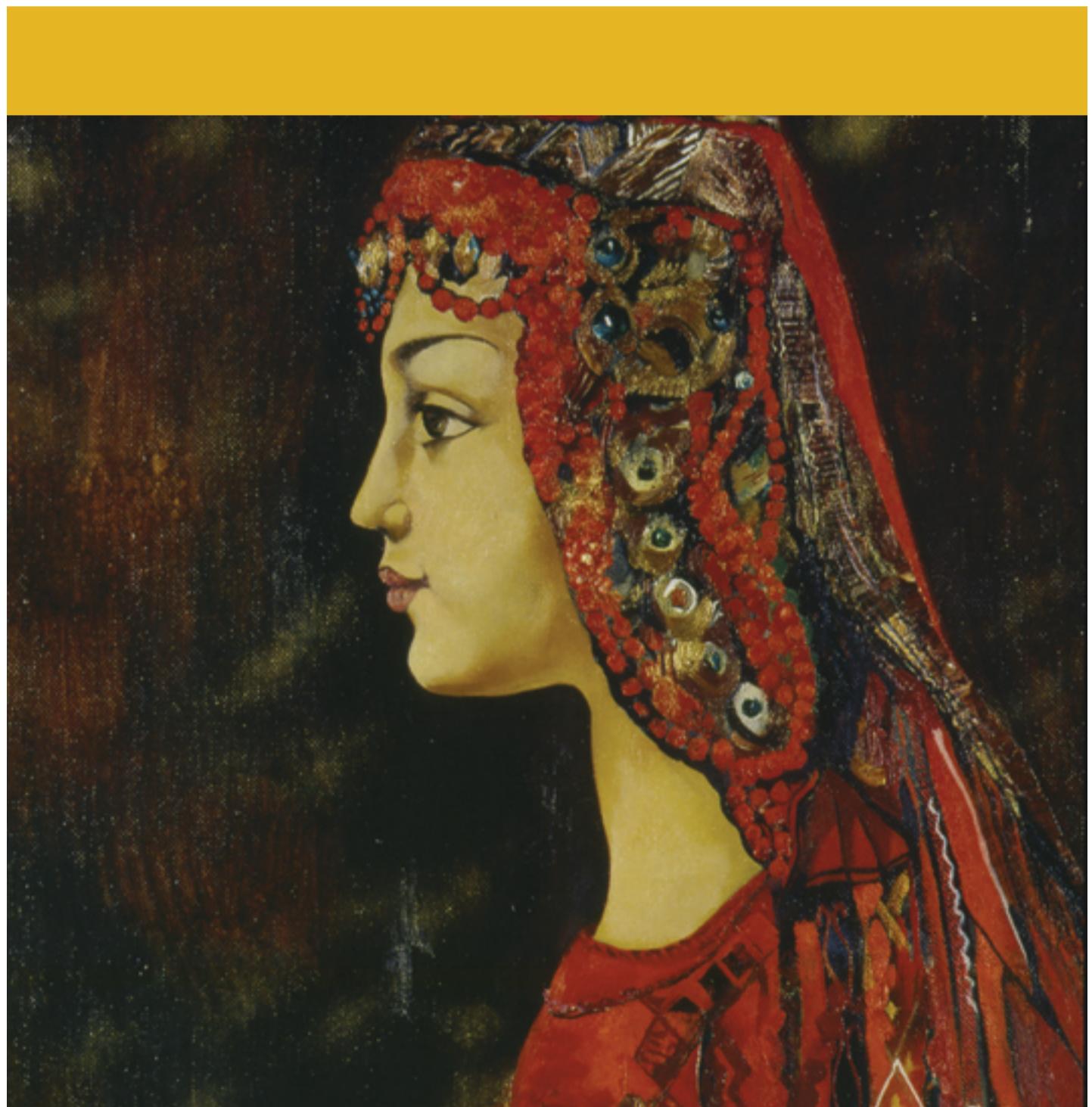
Не страшны на вид они
под покровом шали,
но лишь руку протяни –
намертво ужалят.

То пойдет, сужая круг,
то забьется слепо,
как гусыня, вспомнив вдруг
про свободу неба.

А потом опять плывет
грустно и несмело.
Но смирения ее
не приемлет тело.

Щеки радостно горят,
веселей скольжение.
Вся она – от плеч до пят –
вызов и смущенье!

Перевод Вадима Кузнецова

Художник Шакир ЗАКИРОВ. Невестка
Из коллекции Рауля МИР-ХАЙДАРОВА

Хроника месяца

ОРЕНБУРГ

В 103-ю годовщину со дня рождения Мусы Джалиля в Оренбургском государственном педагогическом университете прошел вечер памяти поэта-героя.

Муса Джалиль родился в 1906 году в селе Мустафино Оренбургской области.

Для гостей вечера памяти поэта оренбургские студенты подготовили литературно-музыкальные композиции «Патриотизм в системе российских ценностей» и «Мужество останется в веках». Свое выступление представила оренбургская городская общественная организация татарской молодежи «Яшылек» («Молодость»).

ТАШКЕНТ

В феврале всем так хочется весны, душа просит песни. Весенний мир - это великая симфония жизни. А исполнить эту праздничную мелодию лучше всего может молодое сердце. Организаторы Международного конкурса молодых исполнителей «Татар моңы» решили провести смотр и отбор талантливой молодежи.

На конкурс собрались лучшие из лучших из Ташкента, Бухары, Янгюля, Навои, Алмалыка. В большом зале музыкального колледжа имени Хамзы собрались талантливые исполнители.

Запомнилось яркое исполнение аккордеониста Ильнура Рахматуллина из Алмалыка, Гузаль Тадыева сыграла на фортепиано прелюдию Р. Яхина, Тамила Курмакеева с душой спела песню «Туган Тел», Лия Бекмухамедова задорно исполнила песню «Гармун алыйк эле дускай», Азамат Исмаилов лирично исполнил песню «Туган кен», Марат Нургалиев проникновенно спел песню «Нэрса булды сиңа бүгән», Тимур Ибрагимов и Евгений Илюшин так же порадовали своими веселыми песнями.

А на следующий день состоялся гала-концерт конкурсантов международного конкурса «Татар моңы». Концерт открыли гости из посольства РФ и представительства Татарстана в республике Узбекистан.

Режиссер-постановщик концерта - заслуженный деятель культуры Республики Татарстан Баймурзина Райса Абдулхаевна разработала великолепное шоу, в котором все участники концерта показали свои таланты. Райса Баймурзина и Руслан Гайнанов были ведущими программы. Зрители тепло встретили лучшие народные и эстрадные песни, захватывающие татарские танцы, башкирский танец очаровал всех своей грациозностью.

Конкурс помог выявить талантливую молодежь. Он подарил радость зрителям. Хотелось бы, чтобы проведение такого молодежного конкурса стало хорошей традицией в Узбекистане.

ПЕРМЬ

В Бардымском районе Пермского края впервые прошли «Ягафаровские чтения», посвященные памяти известного ученого, писателя, общественного деятеля Рашида Ягафарова.

В деревне Константиновка на стене здания средней школы появилась мемориальная доска памяти Ягафарова. После этого было объявлено о присвоении учебному заведению имени писателя. Здесь также прошли фольклорный фестиваль коллективов художественной самодеятельности Пермского края, конкурс чтецов. Открылась выставка местных художников.

Рашит Ягафаров родился в 1946 году в деревне Константиновка Бардымского района Пермской области. На протяжении многих лет являлся научным сотрудником Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Видный исследователь в области национального фольклора Рашид Ягафаров – автор-составитель более 15 книг. Долгое время Р. Ягафаров возглавлял национальное татарское движение. Он был организатором общества «Магариф» («Просвещение»), являлся председателем Татарского общественного центра, первым председателем Татарстанского регионального отделения ООД «Российское исламское наследие».

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Пенсионер из г. Березовского Т. Х. Сиразетдинов прислал губернатору края Аману Тулееву письмо, в котором предложил свою небольшую месячную пенсию для борьбы с кризисом. «Это не спонсорская помощь - пишет Талгат Хайдарович. - Нет! Просто хочу, чтобы внук мой в будущем не знал нужды, как его дед. На какой счёт перечислить? За меня и внука не беспокойтесь. Как-нибудь проживём. Пенсия у меня 4,5 тысячи рублей. Может, и другие последуют моему примеру. Ведь не для дяди Сэма, а для себя, для своих детей, внуков стараемся». Губернатор Аман Тулеев поблагодарил Талгата Хайдаровича Сиразетдинова за отеческую заботу, неравнодушие к проблемам Кузбасса, и представил его к областной награде «За веру и добро».

КЕМЕРОВО

В г. Кемерово было Учреждено Духовное Управление Мусульман области.

Решение об учреждении организации было принято единогласно участниками первого учредительного собрания. Они также избрали муфтия области, им стал Тагир хазрат Давлеткулов. До этого Тагир Тимерказыкович Давлеткулов был имамом в Башкирии.

Под началом управления будут находиться все зарегистрированные религиозные организации мусульман области, которых в Кузбассе больше десяти.

МОСКВА

В Москве в манеже ЦСКА завершился зимний чемпионат РФ по легкой атлетике в закрытых помещениях.

Татарстан на соревнованиях представляли 14 спортсменов, трое из которых завоевали медали разного достоинства.

Руслан Гатауллин завоевал «золото» в прыжках в длину с результатом 7,85 м. «Серебро» досталось Александре Киряшовой в прыжках с шестом. В беге на 60 с барьером Айдар Гилязов завоевал «бронзу».

ЕКАТЕРИНБУРГ

В связи с 10-летием создания областной Федерации борьбы на поясах Екатеринбургская городская Дума за значительный вклад в развитие национальных видов спорта наградила Почетной грамотой президента Федерации мастера спорта А. Х. Габдрахманова и руководителя пресс-службы старшего преподавателя Уральского государственного университета Р. Л. Исхакова. Благодаря активной деятельности Федерации, этот татарский вид спорта стал любим и популярен в городе, играет заметную роль в физическом воспитании подрастающего поколения.

КАЗАНЬ

В октябре прошлого (2008) года в Казани состоялся 4-ый Международный кинофестиваль «Золотой Минбар». В рамках фестиваля в программе «Кино Татарстана» был показан новый мультипликационный фильм «Камыр-батыр», созданный по мотивам татарской народной сказки. Сценарий фильма написала кинодраматург Роза Хуснутдинова. Фильм был тепло встречен зрителями, особенно детской аудиторией.

САМАРА

Признания в любви к родному языку звучали из уст людей 20 национальностей. Именно такое число культурных центров участвовало в региональной конференции «Сохранение и развитие родных языков на территории Самарской области». Сможет ли область сохранить богатую языковую и культурную палитру?

Учеными-филологами и непосредственными носителями разных культур обсуждалось современное состояние языков народов Поволжья, проблемы связанные с ассимиляцией отдельных этносов, например, эрзя и мокша, поволжских немцев.

В Самарской губернии есть успешные примеры изучения родного языка и культуры в учебных заведениях, где существует так называемый этнокомпонент. Это школа «Яктылык», где уже более 10 лет дети изучают татарский язык и обычай своих предков. В местах компактного проживания народов Поволжья – татар, чуваши, эрзя и башкир преподается родной язык и литература.

Юное поколение самарцев не хочет отказываться от своих корней. Родной язык признан самым сильным инструментом сохранения и развития нашего духовного и материального наследия. По оценкам ЮНЕСКО, половина из 6 тысяч языков мира могут в ближайшее время исчезнуть с «лица» земли. Чтобы этого не случилось, каждый человек должен в детстве узнать и полюбить родную речь своего народа. Недаром в переводе с многих языков словосочетание «родной язык» звучит как материнский, язык матери.

УЛЬЯНОВСК

В Ульяновске местная татарская община уже долгое время ведет борьбу за возврат незаконно отнятого у верующих здания Исторической татарской мечети, расположенного по адресу ул. Федерации, 33.

Построенное татарским фабрикантом Акчуриным в 1853 году, это здание представляет собой памятник архитектуры. В 30-х годах оно служило как Татарский клуб, а в 1940 г. было передано в распоряжение Горсовета и превращено в пекарню.

Многолетняя деятельность пекарни довела здание храма до плачевного состояния. В 1988 году татарская общественность города обратилась к местным властям с требованием прекратить разрушающее действие пекарни и вернуть мечеть мусульманам общности. Ответ был краток: «город нельзя оставить без хлеба».

Надежды в сердца мусульман вселило распоряжение Президента Российской Федерации «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23 апреля 1993 года, согласно которому все архитектурные памятники и культовые здания, некогда отнятые у верующих, должны были быть возвращены владельцам. Но к моменту его выхода мечеть была незаконно приватизирована акционерным обществом «Ульяновскхлебпром».

Создается впечатление, что чиновники областной администрации постарались сделать все возможное, дабы воспрепятствовать возвращению мечети мусульманам, вплоть до действий, нарушающих закон.

Недавно Духовное управление мусульман Европейской части России, обеспокоенное ситуацией вокруг мечети, обратилось в Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом с просьбой рассмотреть вопрос о возможности передачи мечети Центральному духовному управлению мусульман Ульяновской области, входящему в состав ДУМЕР.

Несмотря на все трудности, татарская община Ульяновска полна решимости добиться возвращения святыни мусульманам.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

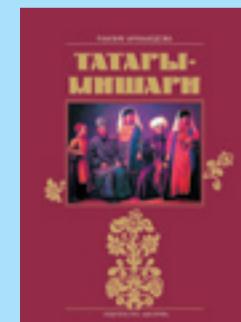
Житель города программист Зубаер Мифтахов сделал попытку создать татарско-русский электронный переводчик. Совсем недавно он закончил первый рабочий вариант программы с названием «ТатаРус». Она разработана на основе программы Word, что позволяет программе «ТатаРус» быть общедоступной. В области электронного татарского языка З. Мифтахов работает на протяжении нескольких лет, он автор электронного корректора «Субра».

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Многолетний труд, ученого-историка, лауреата Государственной премии Республики Татарстан в области науки Рамзии Гиниатовны Мухамедовой воплотился в книге «Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование», которая вышла в издательстве «Магариф» (г. Казань).

Татары-мишари представляют вторую по численности группу татар Среднего Поволжья, предки которых еще задолго до появления чингизидов освоили эту территорию.

В книге на основе многолетних

экспедиционных исследований и других источников анализируется материальная и духовная культура мишарей второй половины XIX – начала XX вв. Однако хронологические рамки работы гораздо шире исследуемого периода.

Монография рассчитана на этнографов, историков, работников культуры, студентов, учителей и широкий круг читателей.

ЖАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Юбилей старейшего педагога

Около полу века посвятил школьному делу заслуженный учитель Российской Федерации Шакирзян Заляев. С молодых лет он избрал нелегкую, полную забот стезю педагога, стезю человека, несущего разумное, доброе, светлое. От рядового учителя Ш. Заляев прошел путь до начальника отдела образования Азнакаевского района. Именно в годы его руководства произошли заметные изменения в районных школах: построены новые здания, а педагогические коллективы обновились квали-

фицированными учителями. Организаторский и педагогический талант Ш. Заляева был высоко оценен: он стал лауреатом самой авторитетной в области просвещения премии – премии им. Н. К. Крупской. Старейший педагог известен в крае и как горячий энтузиаст пропаганды богатого национального наследия – культуры, истории, народных традиций. Он часто выступает со статьями в местной печати.

В дни своего 80-летия Шакирзян Заляев от сотен своих воспитанников и коллег по профессии услышал благодарные слова любви и признательности.

Такой судьбе, как у Лимы КУСТАБАЕВОЙ, можно только позавидовать. Она – дирижер, режиссер, сценарист, педагог, профессор, заслуженный деятель искусств Татарстана и России, народная артистка России.

И россияне, и иностранцы восхищались уникальными постановками Кустабаевой. Таких изумительных спектаклей было более 25! Специалисты говорят, что Лима Кустабаева открыла особый вид синкретического художественного творчества – театрализованное представление. И с такими представлениями ансамбль объехал полсвета...

Сегодня Лима Кустабаева – в гостях у газеты «Татарский мир».

– Лима Галиевна, Вы очень много добились, как хоровой дирижер, режиссер, сценарист, педагог... Всю жизнь связали с национальным искусством. А с чего началась Ваша дорога в искусство? Может быть с родителей?

– Мама родилась в городе Троицке Челябинской области, который тогда был центром татарской культуры и просвещения. В юности работала учителем, потом воспитывала нас, детей. Отец работал инженером – металлургом, был автором интересных изобретений. Сам он родом из башкирской деревни, но мальчишкой попал в Магнитогорск. Я родилась в Магнитогорске. Я – третий ребенок, у меня еще брат и сестра. Мы с сестрой в паспорте записаны как татарочки, по маме, а брат – башкир, по папе. Между прочим, известный род моего отца назывался «Татарлар».

У нас в семье всегда было очень много книг. Мы жили в доме, где на первом этаже имелся книжный магазин. Помню, как отец возвращался домой с большим свертком под мышкой, в котором были книжные тома...

Так что я с детства очень любила читать. Книги для меня были дороже, чем музыка...

– Но музыкой все-таки занимались?

– Отец очень любил музыку, и народную, скажем, наигрывши на башкирском курае, и классику. Помню, как после каждой командировки папа рассказывал, в какой ходил оперный театр, на какой концерт. Дома у нас была масса пластика. Мы часто слушали их, и классику, и всех известных певцов – русских, татарских...

Я еще ребенком слушала музыку Сайдашева. Так что первые мои впечатления о татарской музыке я получила в детстве. Еще тогда сайдашевские мелодии вошли в мою душу, в мою кровь, в мое сердце...

Понятно, что музыке учили в нашей семье всех троих детей. Педагоги приходили к нам домой. Брата учили играть на скрипке, хотя он, надо сказать, отынивал от этого дела. Мы с сестрой играли на фортепиано. В итоге сестра закончила Челябинский медицинский, брат – Свердловский политехнический...

– И только Вы – консерваторию. Почему именно Казанскую?

– Представьте себе, я с пяти лет знала, где буду учиться. Прямо-таки перспективные планы у родителей были насчет меня. Так и говорили: вот вырастешь и поедешь в Казань, в консерваторию.

– Сбылось!

– Сначала закончила в Магнитогорске музыкальную школу, потом музыкальное училище, очень сильное!

– Вы легко поступили в Казанскую консерваторию?

– Очень легко. Еще бы – после такого музучилища... И я уже знала, у какого педагога хочу учиться – у Владимира Михай-

ловича Васильева. Тогда он был дирижером – хоровиком, позднее долгие годы работал главным дирижером Татарского оперного театра, и сейчас работает в оперном, преподает в консерватории. Я о нем узнала еще в музучилище от тех педагогов-ленинградцев, которые у нас преподавали. И ехала в Казань учиться именно к нему. На старших курсах уже была у него концертмейстером. А еще хорами руководила, преподавала на музфаке пединститута...

– А как Вы пришли в республиканский Ансамбль песни и танца?

– Совершенно неожиданно. Когда училась в консерватории, и когда уже работала в музучи-

ввел меня в удивительный мир татарских писателей и поэтов, многие из которых стали друзьями нашей семьи...

– Лима Галиевна, теперь расскажите про свое ноу-хау в искусстве – театрализованные представления. Ведь это благодаря им Ваш ансамбль стал известен во многих странах мира...

– Идею подсказало народное творчество, национальные традиции, а отчасти и традиции ансамбля. Да, когда я в него пришла, он был в полуразпаде... Хор пел отдельно, выстраиваясь в две линии, танцоры выходили отдельно. Но зачатки театрализованного представления уже имелись. Была интереснейшая

приходилось создавать пьесу самой. Я старалась написать такой сценарий, чтобы в нем отражалась поэзия наших народных традиций, чтобы представление получилось ярким, красочным, праздничным...

– На самом-то деле Вы создали настоящий музыкальный театр – татарский национальный...

– Да, наверное, мы были ближе к театру. Почему – именно театрализованное представление? Потому что народные песни и танцы все-таки связаны обычно с каким-то событием, действием, праздником...

– У Вас было более 25 театрализованных программ. Какие наиболее дороги Вам?

– Ваш ансамбль объездил полмира. Какая поездка была особенно интересной?

– Все были яркими. И поездка на международный карнавальный фольклорный фестиваль в Тунисе, где ансамбль произвел большое впечатление. И поездки в Италию, на Мальту... Мы убедились: выступления, которые по-настоящему отражают народную культуру, везде, в любой стране воспринимают на ура, горячо, с восхищением... Где бы мы ни были: в Финляндии, в Германии, в Англии, в Японии... главное – чтобы выступление было искренним, на высоком профессиональном уровне и отражало подлинную народную, национальную культуру. Она интересна любому зрителю.

После второго Всероссийского конкурса в 1986 году нас пригласили на гастроли в Японию. А в Японии был фурор! Туда даже прилетел целый самолет татар из Америки...

– Вот это да!..

– Для меня самым, наверное, главным всегда было то, что наш коллектив поддерживает, развивает, не дает забыть подлинную народную культуру, ее лучшие традиции. Мы были полпредами татарской культуры и у себя в стране, и за рубежом. Хотя, честно говоря, многие вещи давались с большим трудом, вопреки, а не благодаря. И с финансами было достаточно тяжело, и очень долгое время у ансамбля приличного помещения не имелось – у нас было совершенно разрушенное здание на улице Островского, много лет его ремонтировали, а мы при этом странствовали по разным дворцам и клубам... В итоге, когда мы преодолели эти трудности и уже завершился ремонт, мне пришлось в декабре 1998 года покинуть ансамбль.

– Это была громкая история...

– С судами в течение трех лет, с восстановлением на работе... В 2001 году Верховный суд Российской Федерации окончательно поставил точку, меня восстановили в должности. Но вскоре я написала заявление по собственному желанию – это уже был не тот ансамбль, не тот коллектив...

– Где Вы работаете сегодня? Какие у Вас творческие проекты?

– Я работаю заместителем директора по культуре и искусству в культурном центре «Сайдаш». За мной также режиссера Сабантуюев, праздников Победы, юбилеев Сары Садыковой, Салиха Сайдашева, Рустема Яхина, Фасиля Ахметова... Большую театрализованную программу готовила для участников фестиваля исламского кино «Золотой минбар», она была показана в Булгарах – под ночных небом, на фоне руин соборной мечети. Очень интересная была работа, я сама получила море впечатлений!

В нашем культурном центре я создала театр танца «Сайдаш»...

– Вот теперь Вы правильно назвали – театр! Национальный театр танца или театр национального танца...

– Балетмейстером этого театра работает мой ученик по Ансамблю песни и танца заслуженный артист Тагир Латифуллин. Недавно театр танца «Сайдаш» вместе со своим руководителем и с художественным руководителем – это мой сын Тимур Юсупов – были в Японии. У этого театра вообще очень много гастролей – и во Франции, и в Турции, и в других странах мира... А в прошлом году театр танца «Сайдаш» очень успешно выступил в Москве, на конкурсе «Танцы и пой, Россия молодая». Было очень приятно, что меня пригласили среди российских мэтров в жюри этого конкурса. Но еще приятнее было увидеть серьезное внимание к народному творчеству, то, как к нему относятся молодые.

Беседу вела Елена ЧЕРНОБРОВКИНА

Поэзия национальных традиций...

лице, я еще про этот ансамбль, можно сказать, и не слыхала. А тут вдруг, в апреле 1971 года, меня вызывает директор училища: есть такой ансамбль, он сейчас находится на гастролях в Свердловской области, но остался без хореографа, который заболел. Вот так, неожиданно для себя, я вылетела в Свердловск, оттуда поехала на поезде в Нижний Тагил, там меня встретил на вокзале директор ансамбля и повел в тупик.

– Куда повел?

– В железнодорожный тупик. Ансамбль гастролировал в своих двух вагонах, тогда это было принято. Вагоны прицепляли к нужному составу, а когда он приезжал на место, отцепляли и загоняли в тупик. И никаких гостиниц...

Мне тут же приносят кучу партитур: вечером концерт, там надо диригировать. Что ж, я диригировала. Хор выстраивался в две линии: женщины впереди, мужчины на маленьких стульчиках сзади. Я выходила в черном дирижерском костюме... И так две недели: Нижний Тагил, Пермь, Березники, Кизиль... Потом обратно в Казань.

Между прочим, на неожиданные гастроли я отправилась в светлой шубе и белой шали-паутинке. Когда вернулась домой, и то, и другое было почти черным, в саже...

– И как же Вы остались в ансамбле?

– После гастролей меня стали сватать в Ансамбль песни и танца главным хореографом. Я позвонила отцу. «Да это такой известный коллектив! Соглашайся!» – сказал он.

На моих первых, уже в качестве худрука, гастролях по Татарстану я встретила в Альметьевске своего университетского друга, выпускника мехмата Зиряка Юсупова. И, оказалось, что это моя судьба. Мы вместе уже 37 лет! Зиряк оказал огромное влияние на мое творчество. Он тонкий ценитель татарской литературы, поэзии, искусства. Он

работа моих предшественников, например, Файзи Гаскарова, гениального человека. Он много работал у нас в Казани, как балетмейстер, потом стал создателем Башкирского ансамбля танца, который сейчас носит имя Гаскарова. Он вместе с писателем Наки Исанбетом и композитором Александром Ключаревым уже тогда создал театрализованную композицию, которая называлась «На посиделках». Такие посиделки – национальная традиция, и не только у татар: когда взрослые уезжают, молодежь собирается в доме, пляшет, поет...

Вообще, в ансамбле я занималась сначала только хором – для меня было важно, чтобы хор звучал, чтобы были хорошие обработки, чтобы были интересный хоровой репертуар. В 1978 году я стала художественным руководителем ансамбля. Буквально в те дни мы собирались в Москву на первый Всероссийский конкурс ансамблей песни и танца. И я постаралась что-то интересное найти, показать национальные традиции. И решила восстановить работу Файзи Гаскарова, даже пригласила его из Уфы – помочь. Ансамбль показал эту композицию на конкурсе.

– Как ее встретили в Москве?

– На конкурсе мы заняли второе место. Это высокая оценка. Когда я приехала с конкурса, естественно, задумалась: как дальше работать, что делать? И решила поставить театрализованную композицию «Сабантуй». Чтобы и хор, и оркестр, и танцоры выступали, как единое целое, вместе работали на раскрытие этой темы. Пытаясь найти кого-то, кто бы написал сценарий. Но так и пришлось делать самой. Очень много прочитала литературы, связанной с этим праздником. Работа художественного руководителя ансамбля – такая же, как работа режиссера-постановщика в театре. Причем, ему легче: он же берет готовую пьесу. А мне

– На конкурсе мы заняли второе место. Это высокая оценка. Когда я приехала с конкурса, естественно, задумалась: как дальше работать, что делать? И решила поставить театрализованную композицию «Сабантуй». Чтобы и хор, и оркестр, и танцоры выступали, как единое целое, вместе работали на раскрытие этой темы. Пытаясь найти кого-то, кто бы написал сценарий. Но так и пришлось делать самой. Очень много прочитала литературы, связанной с этим праздником. Работа художественного руководителя ансамбля – такая же, как работа режиссера-постановщика в театре. Причем, ему легче: он же берет готовую пьесу. А мне

– На конкурсе мы заняли второе место. Это высокая оценка. Когда я приехала с конкурса, естественно, задумалась: как дальше работать, что делать? И решила поставить театрализованную композицию «Сабантуй». Чтобы и хор, и оркестр, и танцоры выступали, как единое целое, вместе работали на раскрытие этой темы. Пытаясь найти кого-то, кто бы написал сценарий. Но так и пришлось делать самой. Очень много прочитала литературы, связанной с этим праздником. Работа художественного руководителя ансамбля – такая же, как работа режиссера-постановщика в театре. Причем, ему легче: он же берет готовую пьесу. А мне

– На конкурсе мы заняли второе место. Это высокая оценка. Когда я приехала с конкурса, естественно, задумалась: как дальше работать, что делать? И решила поставить театрализованную композицию «Сабантуй». Чтобы и хор, и оркестр, и танцоры выступали, как единое целое, вместе работали на раскрытие этой темы. Пытаясь найти кого-то, кто бы написал сценарий. Но так и пришлось делать самой. Очень много прочитала литературы, связанной с этим праздником. Работа художественного руководителя ансамбля – такая же, как работа режиссера-постановщика в театре. Причем, ему легче: он же берет готовую пьесу. А мне

Память

Роберт НИГМАТУЛИН, академик РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова

В конце 2003 года ко мне обратилась Люция Камаева, жена внука классика татарско-башкирской литературы Мажита Гафури, с просьбой выступить на научной конференции, посвященной 125-летию со дня его рождения. Мажит Гафури (1880-1934) канонизирован в Башкортостане и Татарстане. Его именем назван Башкирский академический драматический театр в Уфе, один из районов Башкортостана, улицы в ряде городов в обоих республиках.

Хотя я тогда был председателем Уфимского научного центра Российской академии наук и президентом Академии наук Республики Башкортостан, просьба выступить на научной конференции, посвященной творчеству писателя, мне показалась странной. Ведь я специалист в области физико-математических наук, большую часть жизни прожил в Москве, и никак не мог себя отнести к знатокам татарско-башкирской литературы, чтобы выступать на научной конференции по литературе. Когда я поинтересовался - с чем связана такая необычная для меня просьба, Люция Камаева объяснила, что на рубеже XIX и XX веков русскому языку Мажита Гафури учил мой дед по матери Лутфулла Абдулгазизов. Этот факт вызвал у меня ряд воспоминаний и рассуждений, о чем я и хочу рассказать.

Лутфулла Абдулгазизов (1865 - 1913) - известный просветитель среди татар, башкир и казахов. Он был директором известной школы в башкирской деревне Серменево (Белорецкий район), а с 1902 года стал директором русско-татарской школы в г. Троицке (в те годы Оренбургская губерния, а ныне Челябинская область). Мне не довелось видеть своего деда Лутфуллу, его не видела даже моя мама: она родилась через несколько месяцев после его смерти. А мамина мама, моя бабушка Бибикамал умерла, когда мне было 6 лет, а по последний раз я ее видел, когда мне было 3 года. И только старшая сестра моей мамы, незабвенная Сара-апа, рассказала несколько отрывочных воспоминаний о своем отце, моем деде. Но она тоже помнила мало - ведь ей было всего 12 лет в момент его смерти. Больше я никого не видел, кто бы общался с дедом Лутфуллой. Поэтому в нашей семье остались очень скучные воспоминания о нем и всего три фотографии. Но тем не менее я время от времени «вспоминаю» своего деда Лутфуллу.

Впервые я почувствовал неординарность своего деда, когда в начале 1970-х годов я со своими друзьями путешествовал на байдарках по реке Агидель, известной в русской среде как река Белая. На нашем пути как раз была деревня Серменево. Зная от своих родителей, что мой дед 70 лет тому назад был директором школы в этой большой башкирской деревне, я во время привала зашел в эту школу. Какого же

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

было мое радостное удивление, когда на видном месте увидел портрет своего деда. Несмотря на семь десятилетий, как он со своей семьей уехал из деревни «на повышение» в город Троицк, память о нем хранилась как о значительной личности, давшей импульс развитию башкирской школы. А из этой школы вышли многие деятели, оказавшие большое влияние на развитие науки, культуры и общественной жизни Башкортостана. В частности, эту школу окончил композитор Загир Исмагилов, ректор Башкирского государственного университета физик М.Х. Харрасов, писатель Тайфур Сагитов и многие другие. Многие выпускники школы стали видными деятелями в 1920 - 1930-е годы, но, к великому сожалению, почти все они погибли в репрессиях 1930-х годов. После первого посещения я несколько раз приезжал в Серменево. Сейчас деревянное здание школы, которое было построено под руководством моего деда, уже снесено, и на его месте построено кирпичное здание.

Летом 2005 года, через тридцать с лишним лет после моей «первой встречи» с дедом Лутфуллой я со своей семьей поехал в г. Троицк, чтобы посмотреть на дом, в котором родилась моя мама, зайти в следующую после Серменевской, большую по размеру и, как сейчас бы сказали, более престижную школу, которой руководил мой дед. Хотели мы побывать и на его могиле в г. Троицке. С нами был сотрудник Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН Равиль Махмутович Булгаков. В Троицке я никогда не был, а мама моя уехала из него в Уфу для учебы в 20-е годы. В двухэтажном здании школы моего деда Лутфуллы сейчас размещается городской отдел образования (гороно). Татарских школ в г. Троицке не осталось, и сотрудники горено ничего об истории здания и о моем деде ничего не слышали. Они тепло меня приняли, с интересом выслушали мой рассказ об истории здания, в котором они работали, и посоветовали зайти в краеведческий музей города. И опять я был радостно удивлен, когда в центральном зале музея на видном месте мы увидели портрет деда и большого размера, превышающего по площади два стандартных машинописных листа свидетельство, о том, что Лутфулле Абдулгазизову в соответствии с высочайшим указом государя-императора присвоено звание «личного почетного гражданина» с соответствующими привилегиями. Опять приветствие от деда, теперь уже из Троицка, и это приветствие опять благодаря его добрым делам и заслугам перед Отечеством. Город Троицк произвел хорошее впечатление. Город чистый, спокойный. Видимо, сказалось то, что в городе несколько учебных заведений, в частности, ветеринарная академия, филиал Челябинского университета, несколько техникумов и др.

Найти могилу моего деда помогли путешествовавший с нами Равиль Махмутович Булгаков и живущий в Троицке журналист Исхак Шамсутдинов, написавший книгу об истории татарского Троицка. Найти могилу было трудно по двум причинам. Во-первых, на татарском (мусульманском) кладбище г. Троицка, хотя и капитально огороженном еще в 19 веке, уже несколько десятилетий никого не хоронят из-за отсутствия мест. А если точнее, то лет двадцать пять тому назад кладбище планировали «снести» или «ликвидировать» (даже трудно подобрать соответствующий глагол для такого «действия»), а на его месте что-то построить и проложить какие-то коммуникации. Какая-то дьявольская манера была в нашей стране - планировать строительство на месте кладбищ, формально перенося их в другое место. Нужно с детства прививать табу: нельзя трогать никакие кладбища и культовые места (церкви, мечети, синагоги и т.д.).

Приведены слова А.Т. Твардовского: «Мы не просто не верим в Бога, но мы «продались сатане», - в угоду ему оскорбляем религиозные чувства людей, не довольствуемся всемирным процессом отхода от религии в связи с приобщением к культуре. ... Мы насилиственно, как только делает вера завоевателей в отношении веры завоеванных, лишаем жизнь людей нашей страны благообразия и поэзии неизменных и вечных ее рубежей - рождение, венчание, похороны ...».

Кладбище, где человек ощущает таинство жизни и смерти, должно быть кладбищем вечно, и хоронить на нем тоже надо вечно, потому что подавляющее число могил через несколько десятилетий «умирает» естественной смертью, освобождая места для следующих поколений. Жизнь такова, что потомки через несколько десятилетий, как правило, не имеют

Лиши память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.
Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.
Летит не умолкает память-дождь
И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов

Дед Лутфулла Абдулгазизов

Отец Нигматулин Искандер Нигматулович (1908-1980) с мамой Газизовой Галией Лутфулловной (1914-2005)

возможности присматривать за могилами далеких предков (многие ли из нас знают могилы своих прадедов?), и не надо неизбежную «смерть могил» ускорять своей хозяйственной деятельности.

В Троицке мусульманское кладбище не разрушили, хотя, повторяю, планы такие были.

Но большая часть этого кладбища заросла деревьями и высоким кустарником так, что ко многим могилам невозможно пробраться. Во-вторых, на могильных камнях того времени, в том числе и на могильном камне моего деда надписи делались арабской графикой, использовавшейся в тогдашней татарско-башкирской письменности.

С тех пор реформаторы из татар, башкир, узбеков, казахов и других тюркских народов, следя турецким реформам, инициированным Кемалем Ататюрком, в 1920-е годы отменили арабскую графику и перевели татарско-башкирскую письменность на латиницу. А в 1930-е годы коммунистическое руководство не без оснований заметило, зачем же в Советском Союзе латиница, тогда уж лучше давайте использовать объединяющую страну кириллицу. В результате отменили и латиницу, а тюркские языки перевели на кириллицу. В результате татары и башкиры (вместе со всеми тюркскими народами) не могут читать написанное их дедами. И я не умею читать надписи арабскими буквами и не смог бы найти могилу деда.

Поэтому сначала Искандар Шамсутдинов по памяти указал направление для поиска. Затем, работая топором, нужно было прорыться в глубь «дюнглей». Поиск занял целый день. В итоге Равиль Булгаков, изучавший арабскую графику и арабский язык в Ленинградском университете, сумел найти

Посвящается памяти отца профессора Искандера Нигматуловича Нигматулина в год 100-летия со дня его рождения.

могильный камень деда Лутфуллы, и к могиле была прорублена тропа. Камень хорошо сохранился. Рядом с ним похоронен его сын, мой дядя, Зайнулла Лутфуллович Газизов, умерший в 1955 г. Он был учителем и стал директором той самой школы, которую создал его отец, мой дед. Интересно, что на могильном камне моего деда его имя написано арабскими буквами в виде: «Лутфулла-учитель», именно «учитель» русским словом. Это было его звание. Даже мою маму, росшую без отца в г. Троицке, взрослые всегда представляли как дочь Лутфуллы-учителя (по татарски это звучало: «Лутфулла-учитель кызы»).

Позднее смотрители кладбища помогли вырубить кустарник и деревья вокруг могилы и открыть к ней широкий проход.

Моя тетя Сара-апа перед смертью в 1986 г. передала мне некоторые бумаги, оставшиеся после деда, в том числе и некрологи, которые были опубликованы после его кончины. Но я не мог их прочитать, потому что они были написаны арабской графикой.

В связи с подготовкой биографии Лутфуллы Абдулгазизова для Башкирской энциклопедии один из некрологов, опубликованный в оренбургском журнале в 1913 г., и перешедший мне по наследству с бумагами моего деда, я дал упоминавшемуся выше Равилю Булгакову. Он перевел некролог на современную татарскую графику. Из этого графического «перевода» я узнал много неизвестного для меня. В частности, Лутфулла-учитель не только преподавал русский язык, но и старался учить детей практическим навыкам, в частности, необычному для тогдашних татар и башкир садоводству. Кроме того, в тогдашнем купеческом Троицке было острая потребность в приказчиках, владеющих финансовым и предпринимательским ремеслом. Сейчас это называется бухгалтерия, менеджмент и маркетинг. Для того, чтобы учить этому детей, он ездил в Москву на несколько месяцев для освоения бухгалтерского дела.

Тетя Сара-апа рассказывала мне, что пригласили деда Лутфуллу работать в Троицк группой купцов во главе с купцом 1-й гильдии Муллагали Яушевым. Они построили школу и жилой дом во дворе школы для его семьи. Тогдашняя общественность города в 1907 г. торжественно отметила двадцатипятилетие педагогической деятельности Лутфуллы-учителя, а после его смерти купцы во главе с Муллагали Яушевым собрали деньги и положили их в банк на имя его вдовы (моей бабушки Бибикамал), оставшейся с шестью малолетними детьми. Вот их имена, некоторых из которых очень необычны для современных татар: Нигматулла, Сара (Бибисара), Зайнулла, Рабига, Рауза и Галия - моя мама.

К сожалению, многие тогдашние добрые и созидательные силы в России, в том числе и миллионы ее граждан после войны 1914 года и революции 1917 года были повержены, и семья пользовалась этим банковским вкладом, дававшим процентный доход (девиденты), равный зарплате деда при его жизни, очень недолго - всего несколько месяцев. Через 7 месяцев началась 1-я мировая война, доходы со счета в несколько раз уменьшились, а еще через три года произошла революция, после которой банк исчез.

Времена, конечно были тяжелые, но все шестеро детей учителя Лутфуллы выжили, получили высшее образование.

Все это благодаря мудрости бабушки Бибикамал, помоги ее родственников, помести добрых людей, взаимовыручки в семье и тогдашнему стремлению к светскому образованию, поддерживаемому советским государством. Когда через несколько лет после смерти своего отца старшие Нигматулла и Сара подросли и стали работать учителями, они помогали матери поднимать четырех младших детей.

Но в 1934 году пришла беда: арестовали по взорному политическому обвинению младшего брата Лутфуллы Абдулгизизова – Абдуллу, тоже учителя в Троицке. Через несколько лет он погиб. В 1937 году арестовали его жену Гульсум, дочь купца Яушева и 16-летнего сына Шамиля. Родственников вызывали на допросы, которые все время жили в страхе. Гульсум сослали на каторжные работы, а Шамиля отпустили, и он чтобы не привлекать внимание и не быть никому обузой уехал во Владивосток, где его родители жили до этого несколько лет. Хотя его как члена семьи врагов народа не допустили к сдаче экзаменов в политехнический институт, он прожил там всю жизнь, здравствует и сейчас. Несмотря на возраст, он очень здравый и благородный мужчина, и мы с ним переписываемся и переговариваемся по телефону.

Дети Лутфуллы родили и воспитали 11 своих детей (среди них я со своими двумя братьями Булатом и Раисом) – внуков и внука Лутфуллы учителя. У внуков 20 своих детей, у некоторых из которых есть свои дети – пра-правнуки и пра-правнучки Лутфуллы. Сегодня живут 50 потомков Лутфуллы и Бибикамал. Большая часть татары, есть казахи, есть русские, а девять – потомки одной из дочерей Лутфуллы – Рабиги – американцы в том числе и с американскими именами (Дональд, Андриа, Каэл, Шейна). Вот вам пример этнического перемешивания, распространения и обезличивания татарских генов всего в течение нескольких десятилетий. Вспоминается в связи с этим русский гений А.С. Пушкин, прадед которого был эфиопом, а его потомки разных национальностей и даже разных рас живут по всему миру.

В связи с этим приведу теорему этнологии: этнос не вечен, вечен этнический процесс. Этно не радостную теорему я узнал от выдающегося этнографа, члена-корреспондента РАН Раиля Гумеровича Кузеева.

Хотя некоторых своих родственников, потомков деда Лутфуллы я не видел, но я верю, что они несут частицы добра и созидающего таланта своих предков, моего деда Лутфуллы и моей бабушки Бибикамал.

Кстати, по рассказам моей мамы помогли выжить вдове с шестью детьми и жители казахской деревни, примыкающей к Оренбургской губернии. Они помнили, что Лутфулла-учитель учил в своей школе и казахских детей. В благодарность в тяжелые 1920-е годы казахи приглашали вдову с шестью детьми в свою деревню на лето, давали на это время дом и корову. Это, конечно, сильно помогало поднять детей.

Упомянутые выше купцы г. Троицка, вместе со всем купеческим сословием России исчезли как класс и не только как класс. Но связь с Яушевыми осталась, их добрая и творческая генетика жила. Сын одной из дочерей Муллагали Яушева Фарид Сейфуль-Мулюков стал известным журналистом. За освещение событий с горячих точек арабского Востока он был награжден боевым российским орденом. Несколько лет тому назад мы познакомились. У нас очень близкие взгляды на состояние России, несмотря на то, что мы большую часть жизни не общались.

Продолжение в следующем номере газеты.

Издавна одна из ярких особенностей жизни Казани и татарского края в целом – это его многонациональный уклад, разноцветье представителей народов России, чья судьба, мироощущение, взгляды сложились в татарской среде, в атмосфере национального климата. Подавляющее большинство из них чувствует себя как дома, не испытывают какого-либо душевного дискомфорта.

С одним из таких людей – Анатолием Ивановичем КОЗЛОВЫМ – мы встретились в Москве, на старинной Варварке. Здесь располагается крупная компания ОАО ТПК «Продмаркет», которую более 18 лет возглавляет А.И.Козлов. Сам он родился и вырос в Татарстане (г. Чистополь), там началась и его трудовая биография. В Казани закончил Технологический институт, затем Московский заочный институт советской торговли. Трудолюбие, пытливость ума и жажда знаний, творческое отношение к делу – эти ценные во все времена качества были природно присущи Анатолию Ивановичу и служат основой его организаторского таланта и профессионализма. Начав трудиться сборщиком на часовом заводе в Чистополе, А.И.Козлов в довольно молодые годы уже стал заместителем Председателя Совета Министров Правительства ТАССР. Возглавляемая им торговая отрасль стала одной из передовых в республике и его перевели на работу в Москву. Накануне перестройки он был назначен заместителем Министра торговли СССР. Новая эпоха, опрокинув прежние правила жизни всего общества, ломала вобщем-то слабых, по-настоящему сильные специалисты-руководители, обладая творчески-преобразующей энергией, изыскивали потенциально позитивное в сложившихся обстоятельствах и пытались на этой основе созидать новое, служащее на благо обществу. Мне кажется, именно этот слой людей и есть та сила, которая в настоящее время осуществляет движение страны вперед.

– Анатолий Иванович, значительная часть Вашей жизни прошла в Татарстане. Спустя годы, как Вы оцениваете тот период, как он повлиял на Вашу судьбу, Ваше мироощущение?

Главное в жизни – это те люди, которые сопровождают твою жизнь. Мое детство и юность прошли в 50-60-годы, это были относительно раскованные годы. По широте души и доброжелательности татары сродни русским. Это я ощущал всегда, и в школьные годы, и в начале трудового пути, и в студенческую пору. В институте у меня сложились хорошие отношения с деканом факультета Мифтаховым Альбертом Абдрахмановичем. Он был для меня старшим товарищем, наставником, старался расширить мой кругозор, он понимал, что грамотный технарь – профессия скучная. Кстати, именно после окончания института он меня порекомендовал в Татпотребсоюз, это была возможность остаться работать в Казани. Я поступил на работу в Татпотребсоюз, его руководителем был Рафат Файзуллович Сафиуллин, очень известный человек среди председателей потребсоюзов бывшего СССР. Мне повезло, что я с институтской скамьи попал к такому сильному руководителю. Другим человеком, с которым мне повезло работать, а в дальнейшем и дружить, был и остается Табеев Фикрет Ахмеджанович, в пору нашего знакомства Первый заместитель Председателя Совмина РСФСР. Деловой стиль, умение видеть перспективу, искусство работать с разными людьми – вот качества, которые привили мне Р.Ф. Сафиуллин и Ф. А. Табеев. Так что многие руководители у меня были татары, я прошел хорошую школу. Но, конечно, все отношения и тогда, и сейчас у нас складываются независимо от национальности, отношения очень хорошие.

– Вы жили в Казани, как Вы воспринимали татарский быт с точки зрения русского человека, как входили в татарскую культуру?

По роду своей деятельности я побывал во всех регионах Татарстана, а их было 39 районов в свое время. Был татар хорошо мне знаком и даже более привлекателен, побольше чистоты, побольше порядка за забором. Русские деревни подчас страдают тем, что не всегда следят за внешним видом своего двора или дома. Я никогда не ощущал дискомфорта, находился ли я в русском селении или в татарском. Всегда было хорошее отношение друг к другу и никаких противоречий не было. Что касается культуры, то я с удовольствием ходил

Актуальное интервью

ловек. Мы стали регулярно выезжать в Татарстан, в Чистополь, где у нас спортивно-оздоровительный лагерь «Раздолье», и там проводим турниры бальных танцев «Камские зори», первый был посвящен 1000-летию Казани. Для чистопольцев это было открытием, они загорелись и попросили организовать такую же школу у них. В год открытия школы в ней занимались 120 детей, а сегодня – около трехсот учеников. Руководство республики очень нас поддерживает в этой культурной акции.

– Казань для Вас это память или продолжающаяся жизнь? Вы часто посещаете Казань?

– Переехав в Москву, я очень скучал по Казани, но сейчас, конечно, привык. Но я

В сердце моем – КАЗАНЬ!

В одном из залов «Продмаркета» (слева направо): Ф.Мухаметшин, М.Шаймиеев, Ф. Табеев, А.Козлов, Р.Акчурин, З.Гаязов

в татарский театр. Хоть я татарский и не понимаю, но актеры так хорошо и эмоционально играют, что все и так понятно. С удовольствием бываю на концертах татарской и русской песни, люблю прекрасные голоса А. Асадуллина, А. Аззаловой.

– Скажите, в Вашей сегодняшней работе как-то оказывается Ваше «татарское» происхождение? Кстати, несколько слов о «Продмаркете»?

– Наша компания была создана в 1991 году на базе структур бывшего Министерства торговли СССР. ТПК «Продмаркет» работает в тесном контакте с правительством Москвы. В арендуемом компанией здании (Варварка, 14) после проведения реконструкции создана сеть магазинов: «Российские деликатесы», «Московские деликатесы» и ресторанов, среди которых большой популярностью пользуется «Китайгородская стена». Это первый в Москве ресторан татарской кухни. Здесь предлагается хорошая татарская выпечка, национальные блюда. В интерьере ресторана наш художник использовал исторические находки из Булгарского поселения. Отделения «Продмаркета» открыты в Уфе, Казани, Калининграде. ТПК «Продмаркет» позиционируется учредителями не только как торговая площадка. Значительное место в ее деятельности занимает работа по возрождению традиций народного творчества, сохранению культурного наследия. В этих целях мы при участии известных мастеров искусства учредили «Китайгородскую ассамблею». Вот в рамках мероприятий ассамблеи ярко звучит татарский мотив. В «Галерее-салоне на Варварке» проводятся, наряду с другими, выставки татарских художников. Именно здесь состоялась первая выставка татарско-башкирских художников «Рассам», дни татарской культуры в Москве, посвященные 1000-летию Казани.

– В Москве известностью пользуется открытая у Вас школа бальных танцев. По-моему, ее появление связано также с Татарстаном?

– Более десяти лет тому назад к нам приехали парень и девушка из Казани. Они были чемпионами Поволжья по танцам. Приехали и обратились ко мне за помощью. Я им предложил организовать школу бальных танцев, предоставил помещение. Молодые люди горячо взялись за дело, и сейчас эта школа – одна из крупнейших в Москве, в ней занимается более 800 че-

ловек. Мы стали регулярно выезжать в Татарстан, в Чистополь, где у нас спортивно-оздоровительный лагерь «Раздолье», и там проводим турниры бальных танцев «Камские зори», первый был посвящен 1000-летию Казани. Для чистопольцев это было открытием, они загорелись и попросили организовать такую же школу у них. В год открытия школы в ней занимались 120 детей, а сегодня – около трехсот учеников. Руководство республики очень нас поддерживает в этой культурной акции.

– Это воспринимаешь с приятным ощущением, что это родина. Татарстан, Чистополь, Казань – это все уже одно единое, целое. Самое главное, что нет межнациональных противоречий. И то, что было в 1991-1992 годах, это все улеглось и сгладилось, благодаря мудрой и терпеливой политике руководителей Республики, не допустили никаких междоусобиц и мягко все острые конфликты сняли.

– Есть города, которые относятся к вечным городам мира – Рим, Париж, Казань. А есть города, которые умирают. Чем объяснить такое долгожительство Казани?

– Я думаю, что все торговые пути на Урал и в Сибирь проходили через Казань. Две огромные реки Волга и Кама сливаются в одну и текут дальше. Это как раз именно те пути, которые позволяли городу развиваться, когда не было железных дорог, все доставлялось водным путем. Это одно. Второе, испокон веков так сложилось, что татары были народ торговский, это заложено в крови, и торговля – это одно из жизненных кредо татар. И третье, это историческое место, где издавна жили татары, и те кто живет в Казани, они с такой гордостью говорят, что здесь уже несколько веков существует поселение Волжских Булгар, здесь жили наши предки, прадеды и прапрадеды. Это историческое место, с которого уходить нельзя, а нужно развивать. А что касается науки, искусства, то это уходит вглубь времен, очень ценится среди интеллигентии не только история Казани, но история науки, культуры. Казанский университет уже существует 250 лет. Тоже цифра знаковая. И, конечно, закаленный историей сам дух татарского народа. Все вместе взятое и дают основания, что Казани быть, быть и быть многие века.

Беседовал
Ромен ГУЗАИРОВ

В феврале этого года Анатолию Ивановичу Козлову исполнилось 60 лет. Редакция газеты «Татарский мир» и ее читатели, многие из которых живут и работают в Казани, горячо поздравляют коренного татарстанца с замечательным юбилеем и желают Анатолию Ивановичу долгих лет жизни, плодотворного труда, здоровья и благополучия.

Гумилевские чтения

ра европейская и азиатская. Русские должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими.

Евразийство не замыкалось Россией, оно считало себя целым континентом, и его границы проходили через сердца и души людей.

Евразийская цивилизация определялась не только экономикой, но и той культурой, которая находится в неразрывном единении с ландшафтом. Ландшафт – природный базис и диктует, быть или не

быть близкими им по духовности людей, готовых на самые решительные исторические действия. Таких пассионарных личностей история пока не выделяет нам. Наше общество по преимуществу субпассионарное, возникающее тогда, когда пассионарность истекает. Эти люди с пониженной пассионарностью – эгоистичны, у них психология потребителей. Л. Н. Гумилев отмечал:

«...а после того, как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от

Олег ШЕСТИНСКИЙ, поэт

сорвать агрессию Запада, сплоченно тщащегося захватить богатые русские земли.

По-новому вглядывался Л. Н. Гумилев в русско-татарские отношения, выявляя скрытую пользу одних от других, а не сводя все только к крупным сражениям и мелким стычкам. Его вывод гласил: мы сумели преодолеть натиск Запада во многом из-за своей политики со степняками, татарами, калмыками...

Л. Н. Гумилев исследовал связь Петра I с допетровской Россией, опровергая досужее суждение, что она была отсталой, не учитывающей западные военные и экономические достижения. Но нужные западные заимствования всецело трансформировались на русский лад. Он делал обобщающий вывод, который раздражал наши близорукие про-западные круги, мечтающие не без корыстных намерений любой ценой втиснуться под крышу западного мира, готовые там к любой роли.

Л. Н. Гумилев твердо стоял на своем: «Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций с последующей ассимиляцией».

Мы до сих пор не можем понять, что только широкомасштабное внедрение идеалов Л. Н. Гумилева в нашу государственную и культурную жизнь может гарантировать нам не только самостоятельность, но и тот пассионарный толчок, которого сознательно или подсознательно ждет вся Россия.

Последние годы своей жизни Л. Н. Гумилев жил и творил в Питере в коммунальной тесной комнатке. Лишь незадолго до смерти чиновники «благодетельствовали» его «душкой», где он и умер, исповедовавшись и причастившись.

К сожалению, евразийство и ныне рассматривается как бы боковым зрением, не входя в систему государственных интересов, но не меркнет призыв Л. Н. Гумилева: «Если Россия будет спасена, то только через евразийство...»

Когда я приезжаю в Питер, я непременно отправляюсь в Александро-Невскую лавру, где покоятся замечательные россияне.

Невдалеке от упокоения подвижника-патриота России, книжника и мудреца митрополита Иоанна одинокое надгробие. Здесь лежит Л. Н. Гумилев. Раньше над его могилой стоял крепкого дерева крест, и я уходил в думы о Льве Николаевиче и России, которой он отдал жизнь. Клубились густые ветвистые кустарники, тихо шелестели окрестные деревья, поодаль плескалась Нева. Это был тот ландшафт, в котором он разглядел глубокую его сопричастность с великими деяниями Отечества.

Нынче поставили каменный крест, видимо, решив, что он прочнее, но и в чем-то нарушили гармонию его уединения. Да, впрочем, в этом ли дело? Ведь рядом с ним во храме почивают в раке моши благоверного святого князя Александра Невского, его Божественного покровителя.

Во мне живут два славных Слова,
Как сердце бьются неустанно –
От евразийца Гумилева,
От праведника Иоанна.

Они провозглашали слитно
В своих статьях и книгах
строгих
Мысль, что Россия
самобытна, –
И этим раздражали многих...

г. Москва

СЫН ОТЕЧЕСТВА

быть цивилизации. Ландшафт среди обитания оказывал существенное воздействие на сам склад жизни людей.

В. Демин, как видим, убедительно раскрывает концепцию евразийства, но и в нашем сжатом пересказе ясно, насколько оно было непримлемо для строящегося социализма, воодушевленного лишь идеей, а не извечными ценностями человека и природы.

Л. Н. Гумилев вводит в науку новое понятие – пассионарность. Оно пришло к нему, как озарение, внезапно, в тюрьме, и В. Демин захватывающе описывает эти мгновения постижения тайны. Пассионарность – это наука о том, как возникают и исчезают народы (этносы). Свое учение позже он изложил в знаменитой книге «Этнос и биосфера Земли». Это учение и о пассионарных толчках и процессах энтомогенеза, вызываемых этими толчками и протекающих в биосфере Земли. В. Демин отмечает: «Пассионарность – внутреннее стремление к действию, которое сильнее самого человека... Уровень пассионарности в этносе не остается неизменным... Различны стадии пассионарности...»

Что же является первопричиной пассионарных толчков? Энергия космоса.

Но откуда эта энергия космоса, главная обуславливающая пассионарного процесса? Автор пишет: «...Современная наука вообще не способна пока что однозначно указать на действительные причины энергетических всплесков, приводящих к эффектам пассионарного напряжения или разрядки».

Здесь уместны любые предположения, возможно, приближающие к истине. Божественная сила и пассионарность. Вопрос не праздный. Вопрос не исключаю, наших будущих попыток познания непознанного.

Религиозная догма неколебима: Бог – «Всеми Видимый и Невидимый». Не здесь ли подступы к разгадке пассионарности? Бог создал Вселенную. Нашу Землю. И насылил ее существами (людьми), разошедшимися по Земле. И люди, совершив поначалу некое благое перемещение по Земле, возгордясь или утешаясь память о благе Бога, стали проваливаться (большинство) в трясину зла. Одни смирились со своей участью, приспособясь к ней низмен-

героических времен, наступает последняя фаза энтомогенеза – мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции... обывательский застой...»

Л. Н. Гумилев посвятил вопросы пассионарности проблемные книги «Конец и вновь начало» и «От Руси к России». Публикациям этих книг всячески препятствовали. Беспрощадно громили их видные историки – Б. А. Рыбаков, Ю. В. Бромлей, И. Р. Григулевич. Собственно, иначе и быть не могло. На своих высоких постах они держались полной подчиненностью официальным нормам. Особенно яро набросились на книгу «От Руси к России». Как было очевидно, за главу «Славяне и их враги», где Л. Н. Гумилев анализировал Хазарский каганат.

Следуя принципам евразийства, Л. Н. Гумилев по-своему трактует историю русского народа и его предводителей. Это доказательное осмысливание истории тоже пришлось не по нраву его оппонентам.

Л. Н. Гумилев трактовал деятельность Александра Невского, – своего любимого героя, – не только, как победителя в Ледовом побоище, но и как тонкого дипломата, сумевшего с помощью татар

Нанизаны на единую нить

Татарская культура в XIX в. продолжала играть существенную роль в духовном развитии и образе жизни всех нерусских народов Поволжья и Приуралья. Более того, традиционные элементы религиозной, этно-лингвистической, семейно-бытовой культуры, перенятые чувашами, марийцами, удмуртами и определенной частью мордвы у булгар и казанских татар, еще долго составляли серьезное препятствие на пути проникновения русско-православной культуры в среду этих народов, особенно в сельских местностях. Достоверные сведения об этом оставили известный этнограф нашего края К.Ф.Фукс и его жена А.А.Фукс.

В начале XX в. местный краевед Н.А.Спасский также отмечал, что и после завоевания Казани русскими «... влияние татар было очень сильно, и масса вотского населения перешла в магометанство и отатарилась». «В удмуртском языке, — писал он, — более 600 слов тюркского корня, преимущественно означающих господство и подчинение, относящихся к торговле, родству, браку, религиозным возвретиям магометанства, домашней обстановке, костюму, занятиям, имуществу». Если черемисы Козьмодемьянского, Чебоксарского уездов все говорят по-русски, писал тот же автор, «... то казанские черемисы знают и русский, и татарский языки, но мамадышские только татарский».

Н.А.Спасский дает достоверную оценку состояния грамотности татарского населения. «Каждый, кому приходилось быт в местности, населенной татарами, невольно обращает внимание на большое количество мечетей. В каждой деревне есть мечеть, а если в деревне более двухсот домов, то и две мечети. Эта заботливость татар магометан о своих молитвенных зданиях указывает на высокую степень религиозности. Но этим не ограничивается их забота о религиозном развитии. При каждой мечети имеется непременно школа. Школьное дело у татар очень развито и неграмотных среди них почти нет. Школы строятся на общественные средства и пожертвования», — пишет он.

«Как бы не было односторонне это образование татар-магометан, но именно оно дает им ту устойчивость, которой они привлекают инородцев на свою сторону, — подчеркивает Спасский в своем труде. — В силу вышеуказанных свойств магометанской общини, даже при отсутствии активных действий со стороны татар, инородцы неудержимо влекутся к ним, как к национальности более сильной, энергичной, имеющей определенную религию и культу. Но о татах нужно сказать, что они, как миссионеры по убеждению, до фанатизма проникнутые идеями ислама, никогда не упускают случая побеседовать о своей вере и расположить к ней своего собеседника, что по большей части и удается им при указанной выше устойчивости их верований и сравнительном умственном превосходстве их пред другими инородцами».

Просвещением чуваш и мордвы в XIX веке, в основном, занимались татарские учителя. По приглашению самих же мордвы и чуваш они посещали их селения и проводили обучение их грамоте. Об этом сообщается так: «Делом учителяства занимаются все татары, не отказываются от него и женщины. Они приходят в дом инородца, обучают его самого и семью магометанским молитвам и обрядам, а детей, кроме того, обучают и татарской грамоте. Если вблизи есть татарская школа, то, по совету татар, инородец посыпает в нее своих детей для обучения грамоте, там дети изучают Коран, молитвы и с течением времени настолько проникаются магометанским настроением, что их

Габдрахман ХАФИЗОВ, доктор исторических наук

Братские узы народов Поволжья

шину язычнику этих местностей перейти на православие, — он с испугом ответит: «Нет, нет, у нас здесь много татар, они взбунтуются, а то и убьют; да кроме того мы не желаем изменять вере отцов и дедов и отдавать себя на посмение». «Мы привыкли к татарам и разница у нас от татар небольшая, как по жизни, так и в языке» (с.23). Одним из примеров влияния татарской культуры на чуваш-язычников посредством ислама является название у них глав религиозных служителей — муллой, как и у татар-мусульман. Об этом приводится такое сообщение: «... У некрещеных чуваш жрец

Черлак, Сахаязь, Торгем-дурь все мужчины поголовно носят тюбетейки. У них установился даже обычай, в силу которого во время свадьбы тёст в знакуважения дарит своему зятю парчевую тюбетейку. В таком же положении находится деревня Шурбаш Казанского уезда, где черемисы совершенно отатарились и в значительной части исповедуют магометанскую религию». В других местах Казанской губернии, хотя дело отатаривания черемис так далеко не зашло, но все же нужно сказать, что черемисы вышеупомянутых уездов значительно утратили свои национальные черты, и на

столько освоились с татарскими обычаями, нравами и языком, что иногда совершенно невозможно бывает отличить их от татар.

Описывая культуру и быт черемис, Миллер останавливается на их понятиях о месяцах и неделях. Как сообщает он: «Равным образом они

не имеют никакого понятия о месяцах, однако недели они знают, считая каждый по семи дней, и каждый день называют собственным именем, что они по большой части от татар приняли». (Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко — то: черемис, чуваш и вотяков. Спб., 1791. С.61).

Действительно, относительно бытования у татар своего народного календаря XVIII—XIX вв. не может быть сомнения. Булгаро-татарский календарь имеет многовековую историю и он передавался из поколения в поколение, оказывал влияние на окружающие народы.

Некоторые представители черемис (марийцев) сблидали даже такие обряды ислама, как «обрзование» и празднования дня пятницы как все мусульмане-татары.

Как пишет автор указанного труда: «...некоторые из черемис держат магометанский закон и по рождении вскоре обрезываются: и сие может быть от того произошло, что как черемисы, так и прочие языческие народы, равно с магометанами празднуют пятницу яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют. В сей день не служат у них никакой службы, и не знают причины, для чего они в пятницу паче прочих дней в неделе празднуют; и сие кажется мне таки мирское обыкновение, которое вошло к ним от их соседов татар».

«Религиозное состояние вотяков Мамадышского уезда в виду того, что они со всех сторон окружены татарами, крайне печально. Многие из них склоняются к исламу, почти все они говорят по-татарски. Вотяки же некоторых приходов окончательно и бесповоротно отатарились. Таковы, например, жители деревень Старая Русь, Важешур Урязь Учинского прихода, некоторые из деревень Нырынска, которые из деревень Чиринской, Казанской и Мамадышской губерний: восточной части Царевококшайского уезда, Казанского и Мамадышского уездов, черемисы Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии и частью Малмыжского уезда Вятской губернии. Черемисы означенных местностей очень близки к татарам и перенимают от них, вместе с языком, татарские обычаи и нравы. Многие черемисы носят татарские имена, стараются быть похожими на татар и по костюму и считают для себя за величайшую честь, если их трудно отличить от татар. Речь Черемисина этих местностей разнообразится татарскими словами, пословицами и прибаутками. В некоторых черемисских селениях Бирского уезда, например, в деревнях

также православными христианами. Причина этого — обширность приходов Вятской губернии, которые славятся своею доходностью, но не высотою религиозного просвещения, малочисленностью храмов и рационально поставленных благоустроенных инородческих школ». (Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С.25).

Надо отметить, что одной из главных причин стремления удмуртов к культурному сближению с татарами являются их добрососедские отношения и восприимчивость культур. Не малое влияние в деле просвещения удмуртов и марийцев оказали крещеные татары, которые назначались в качестве священнослужителей в их селения.

Влияние культуры поволжско-приуральских татар усилилось с появлением периодической печати, относительно которой говорится: «Между тем нужно сказать, что пропагандистская деятельность татар гораздо шире, в особенности в последние годы. Кроме вышеупомянутой деятельности татар, за последнее время широко развились деятельность со стороны магометанской интеллигенции. Деятельность эта, вызываемая теми же причинами, что и народная миссия, со стороны интеллигенции ведется литературным путем, путем издания газет, журналов, путем устройства съездов магометанских и путем устройства общеобразовательных школ».

Взаимовлияние и взаимодействие культур у этих народов начинается с конца XIX в. и продолжается по сей день. Связи татарской культуры с культурой чувашского народа имели несколько иной характер, чем русской с татарской. Здесь влияние татарской культуры, стоявшей на более высокой ступени развития, происходило впрямую. Примером тому являются татарский театр и литературные произведения.

В Казани чувашские режиссеры и артисты поддерживали контакт с татарским театром, имевшим к тому времени свои традиции. Знакомясь с его работой, они изучали опыт сценического воплощения оригинальных и переводных пьес. Некоторые деятели чувашского театра (Г.Зайцев, П.Федоров, И.Максимов-Кошкин и другие), владея татарским языком, имели возможность знакомиться с произведениями татарских писателей в оригинале. Еще в 1919—1920 годах отдельные пьесы татарских авторов были переведены на чувашский язык и поставлены на сцене национального театра.

Одной из таких пьес явилась «Находка» («Табылдык») Я.Карима.

В свою очередь, произведения чувашских писателей переводились на татарский язык. Произведения классика чувашской литературы К.В.Иванова были известны татарскому читателю еще в 20-х годах. Позема «Нарспи» стала, по признанию известного татарского писателя А.Шамова, его «любимой книгой».

В Казани издавались марийские газеты «Ужара» («Заря»), «Йошкаркече» («Красный день»), «Назерын шамакши» («Слово бедняка»), журналы «Куралше» («Пахары»), «У ильш» («Новая жизнь»). В Казанском Восточно-педагогическом институте обучались будущие марийские писатели О.Шабдар, О.Тыныш, фольклорист К.Четкарев, переводчица детских книг О.Сурикова и другие.

Словом, образ жизни и духовная культура братских народов Поволжья неразрывными нитями взаимосвязаны, и этот исторический процесс взаимодействия и взаимообогащения, опираясь на вековые традиции, и по ныне способствует укреплению единства российских народов.

Сыны Отечества

Шамиль АХМЕТШИН, кандидат военных наук

Шамиль НАСЕРОВ

Впервые в своей истории татары стали осваивать военную службу на флоте, переходя с традиционного коня на палубу, во времена Петра I. Призывались они не только в рамках существовавшей системы рекрутчины, но и в рамках государственной подготовки профессиональных кадров российской морской службы. 19 января 1722 года увидел свет царский указ «О сборе рекрут с морды, черемис и татар». Отныне на военную службу привлекались и мальчики-татары 10-12 лет в качестве денщиков в армию и юнгами на флот. А в конце того же года вышло распоряжение Адмиралтейской коллегии: «Присланных из Казанской губернии малолетних татар 127 человек по состоявшемуся Его Императорского Величества именному указу написать в матросы во 2-ю статью...»

Переход на морскую службу татарам давался очень трудно. Необходимо представить себе ее в те времена. Ограниченнное пространство парусников и галер, сырье, полутемные помещения, пища обильная, но не всегда свежая (солонина и сухари) и не всегда горячая, тяжелая физическая нагрузка. Добавлялись и моральные страдания. В корабельной тесноте нелегко было уединиться для совершения намаза, в российской армии царил культ православия, поэтому о свободе вероисповедания не могло быть и речи. Во все времена тяжелая морская служба скращивалась доброй чаркой спиртного, что опять же запрещалось по канонам ислама.

Особенно активное участие приняли татары в Персидском походе (1722–1723). В мае 1722 года во главе флотилии, состоящей из почти 200 кораблей, Петр I из Казани отправился в поход против персидского шаха Гусейна. Из Астрахани в Каспийское море вышла Каспийская флотилия и военные действия начались 29 июля 1722 года. Судьба 106-тысячного русского войска, в составе которого числилось свыше 30 тысяч татар, сложилась трагически. Флотилия попала в жестокий шторм, разметавший и потопивший небольшие, плохо приспособленные к плаванию в открытом море суда. Подавляющее большинство солдат и матросов утонули. На берегу люди гибли от цинги, голода, недостатка питьевой воды. Несмотря на это, войско Петра I сумело захватить Дербентскую крепость и побережье Терека.

Сохранившиеся документы донесли до нас имя одного из участников Персидского похода татарина – Юсуфа Ижбулатова. Он был известен тем, что в 1682 году добился перевода жителей Татарской слободы Казани в служилое сословие. Как переводчик он участвовал в Персидском походе, перевел с персидского языка на татарский «Дербенд-наме» и подарил эту поэму Петру I (1722). По поручению царя в 1722 году совместно с К. Сунчалиевым он скопировал и перевел около пятидесяти образцов булгарских надгробных надписей для Петербургской Академии наук.

До указа императрицы Екатерины II «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» (1784) татары не могли занимать офицерские должности и не производились в офицеры. Указ уравнявал в правах с российским дворянством татарских князей и мурз.

Судьбы татар, служивших во флоте, удивляли современников и в XIX веке. В журнале «Морской сборник» за 1848 год напечатана статья, называющаяся «Неожиданная встреча».

«Записать в матросы...»

Строительство кораблей

Она достойна того, чтобы привести ее здесь почти полностью.

«В прошлом году несколько русских морских офицеров осматривали Софийскую мечеть в Константинополе. Один из них, чтобы удобнее рассматривать изящные своды этого великолепного здания, снял фуражку. Возле офицера молился, стоя на коленях, старик мусульманин. Белая чалма и зеленый плащ обличали в нем особу духовного звания. Офицер обратил внимание на умное выражение лица у старика, подумав про себя, что это какой-нибудь восточный мудрец или толкователь Корана, а, может быть, и астроном. Глаза их встретились; старик подошел к нашему офицеру и сказал ему чистым русским языком: «Наденьте свою фуражку, правоверные не любят, чтобы в храме стояли с открытой головой».

Офицер поспешил надеть фуражку, поблагодарил старика за совет и почтительно спросил того, где он так основательно изучил русский язык?

На лице мусульманина явились улыбка.

– Эх, ваше благородие, – сказал он, – да как мне по-русски не говорить, коли я в вашем флоте служил. Плавал я и на «Брыке», и на «Кендире», и на «Конверте», да лет восемь штык-болтовым на фрегате был...

Восточный мудрец оказался отставным матросом из казанских татар.

Принятие присяги мусульманами в российском флоте в дореволюционной России являлось религиозным обрядом – обещанием перед Аллахом. Матрос давал присягу не только государству и народу, но и самому Аллаху, в Кого он верил, на Кого надеялся и от Кого ждал помощи. Нарушение присяги считалось большим грехом перед Аллахом и людьми.

До 1885 года документально не установлен ни один морской офицер, даже младшего ранга, магометанского исповедания. В основном на флоте в этот период татары служили низшими чинами: то есть были матросами, унтер-офицерами и фельдфебелями. Одним из первых офицеров российского Военно-морского флота из татар и, как записано в послужном формуляре, «магометанской веры», был Исхак Ибрагимович Исламов (1865–1923) – генерал-майор флота (1917), полярник, географ-гидрограф и учений.

Родился будущий морской офицер 27 июня 1865 года в Кронштадте, в семье времен-

но-отпущеного унтер-офицера Первого флотского экипажа Ибрагима Исламова (предположительно, выходца из села Айбаш, ныне Высокогорского района Республики Татарстан). Мать – Гильмизяма Измайлова. После Кронштадтского реального он окончил Морское инженерное училище Императора Николая I по классу штурманов.

1 апреля 1887 года Исхака Исламова назначают младшим штурманским офицером на клипер (быстроходное парусное судно) «Разбойник». На клипере он участвовал в плавании по Балтийскому морю, а затем совершил кругосветное плавание, во время которого выполнялись гидрографические исследования на Дальнем Востоке, в частности в заливе Петра Великого. В память об этих исследованиях остались названия на морских картах побережья Приморского края. Одна из бухт носит название Разбойник, а один из мысов назван в честь Исламова.

С началом русско-японской войны лейтенант Исхак Исламов назначается старшим штурманом броненосца «Севастополь» и убывает в Порт-Артур к месту базирования.

Корабль «Orel»

Броненосец «Севастополь» совершил семь боевых походов, участвовал в обороне Порт-Артура и в бою с японским флотом в Желтом море 28 июля 1904 года. Два раза подрывался на минных заграждениях противника, но оставался на плаву и после заделки пробоин вновь вводился в строй. Лейтенант И. Исламов участвовал во всех боевых походах. За проявленные мужество и храбрость Исхак Исламов награждается боевым орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Во второй половине 1904 года И. Исламова назначают

флагманским штурманом – офицером штаба начальника эскадры Тихого океана.

В годы после русско-японской войны И.И. Исламов уходит в долгий и трудный морской поход в Заполярье, приобретает неоценимый опыт полярного плавания. По возвращении из полярного плавания И.И. Исламову присваивается очередное звание капитана 2-го ранга, а также награждается Аннинским оружием с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. В 1906 году И. Исламов получил право но-

Генерал-майор флота
И.И. Исламов

манского исполкома армии, флота и рабочих. 11 сентября 1917 года И. Исламов приказом военно-морского министра произведен в генерал-майоры флота с увольнением от службы по болезни, с мундиром и пенсиею (для присвоения звания контр-адмирала ему не хватило плавательного ценза).

Сражение при Гренгаме 27 июля 1720 г.

шения серебряной медали на Александровско-Георгиевской ленте за участие в войне 1904–1905 годов в Порт-Артуре.

После Февральской революции, с началом распада российской армии и флота, нижние чины сводят счеты с командованием. Доходило до прямых физических расправ со особо ненавистными офицерами, допускавшими в свое время рукоприкладство. С офицерами требовательными, но справедливыми, расправлялись по другому. В мае 1917 года общее собрание личного состава базы выразило Исхаку Исламову недоверие за халатное отношение к своим обязанностям и потребовало его удаления.

И.И. Исламов возвращается на Балтийский флот. В июле 1917 года он избирается членом Гельсингфорского мусуль-

ского гражданского комитета. В годы гражданской войны служил в Черноморском флоте Белой армии. После разгрома Белого движения эмигрировал в Турцию. Профессор турецкого морского училища (Стамбул) Исламов много занимался научно-просветительской деятельностью, являясь автором словаря татарских корней в русском языке. Писал труды по мореплаванию.

Умер И.И. Исламов 4 июня 1929 года в Константинополе в возрасте 64 лет.

Генерал И.И. Исламов был женат на дочери губернского секретаря, дворянке лютеранского вероисповедания Вере Александровне Панаш. У них было двое детей. Яков (1897 г.р.) и Илья (1899 г.р.). Обоих сыновей крестили и вырастили в православной вере.

г. Санкт-Петербург

Актуальные размышления

Лейсян СИТДИКОВА

Татарское кино быть или не быть...

«Татарстанское кино выходит на мировой экран», «Татарфильм всем покажет!», «В Татарстане начнется эра кино»... Такими заголовками еще недавно пестрели казанские газеты. Поводов для оптимизма хватало. Два года подряд на международном фестивале мусульманского кино «Золотой минбар» заявлялись ленты местных кинематографистов. В 2007 г. – приз зрительских симпатий завоевала картина «Дилемма», в 2008 г. – приз за лучшую операторскую работу получила лента «Трехногая кобыла». До этого, как ни парадоксально, кинофорум с казанской пропиской проводился без татарстанских игровых картин ввиду их... отсутствия. Кроме того, в последнее время в республике появились самобытные анимационные работы: «Камыр-Батыр» Сергея Литовца и «Шурале» Рамиля Тухватуллина. Нынешний год должен был стать не менее урожайным для возрождающейся кинематографии Татарстана. По словам директора ГУ «Татаркино» Владимира Батракова, было запланировано увеличение бюджетных средств на фильмопроизводство и начата разработка проекта строительства в Казани собственной киностудии. Однако не успевшая набрать высоту и скорость татарстанская кинокомпания может увязнуть в кризисе.

Из-за финансовых трудностей в стадии консервации сейчас находится игровая картина с рабочим названием «Три аршина земли». Съемки фильма, снятого по сценарию Мансура Гилязова по мотивам произведений своего отца – известного татарского драматурга Аяза Гилязова, велись в Мамадышском районе Татарстана. В 2006 г. на создание фильма был получен грант Министерства культуры РФ в размере 15 миллионов рублей. Однако деньги быстро закончились. «Это сложное, постановочное кино: с пожарами, полетами на вертолетах, наводнениями, – говорит продюсер картины Светлана Бухараева. – Понятно, что за несколько лет, пока шла подготовка и съемки картины, цены значительно выросли. Пленка покупается за валюту, увеличились транспортные расходы... В результате мы не уложились в смету».

Светлану Бухараеву в киношных кругах республики хорошо знают. В ее послужном списке полнометражная лента «Куктая» (режиссер И. Ягафаров), получившая приз гильдии кинопродюсеров на «Кинотавре». В проект «Три аршина земли» были привлечены лучшие силы российского и татарстанского кинематографа. Режиссер картины Юрий Фетинг (высшие режиссерские курсы, мастерская А. Германа) знаком зрителям по картинам «Рождественская мистерия» и «Мифы моего детства». А имя оператора Максима Дроздова, занятого в татарстанской картине, недавно пропремело на весь мир! Его работа в tandemе с Алишером Хамиходжаевым в картине «Бумажный солдат» удостоилась премии «Озелла» на кинофестивале в Венеции. Актерский состав «Трех аршинов земли» необычайно пестр – в нем снялись актеры из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Альметьевска, Бугульмы и даже обычные деревенские жители. «В Казани нет профессионалов кино что называется по полной линейке, поэтому состав получился сборный, но от этого картина только выигрывает, – считает Светлана Бухараева. – Наши собственные кадры, работая рядом с такими профессионалами, получают колоссальный опыт».

Создатели картины надеются, что «Три аршина земли» станут настоящим произведением искусства, событием в жизни республики, а не очередной попыткой сделать национальное кино. Для этого есть почти все слагаемые: профессиональная киногруппа и крепкий сценарий, в котором рассказывается

о важности возвращения к историческим корням, о том, что земля предков, их язык и вера не должны быть проданы или уничтожены. Чтобы довести проект до конца не хватает только денег. Съемки закончились, но смонтировать и озвучить картину пока не удается. «Экономический кризис подкосил наши планы. Недавно нам удалось получить принципиальное согласие татарстанского правительства на софинансирование картины и уже выделены 5 миллионов рублей из необходимых для завершения проекта 15-и» – говорит Бухараева. «Но на отборочный тур «Кинотавра», как мы рассчитывали первоначально, картина, тем не менее, не попадет. Уже не успеваем. Дай Бог закончить к осени, чтобы принять участие в «Минбаре». «Три аршина земли» – кино не кассовое, поэтому есть надежда на благоприятную фестивальную судьбу».

Другой настрой и мотивация у известного в Татарстане продюсера и режиссера Рамиля Тухватуллина. Проект «Орлы» (сценарий Айсылы Хафизовой), в котором он выступает в качестве режиссера, находится в процессе озвучивания. В мае в Московском Доме кино планируется премьера фильма. «Меня приняли в Союз кинематографистов России, – не без гордости говорит Рамиль Тухватуллин, – во время премьеры обещали торжественно вручить «корочку». У «Орлов» тот же бюджет, что и у «Трех аршинов...», однако уже изначально предполагалось, что деньги на фильм будут выделяться сразу из двух «карманов» – российского и татарстанского. Вопреки современным законам маркетинга Тухватуллин уверен, что фильм возьмет кассу. «Хотя весы пост-продакшн в руках «Татаркино» – говорит режиссер, – чутье мне подсказывает, что фильм будет иметь успех. Он обязан иметь хорошую прокатную судьбу. Я хочу, чтобы он понравился зрителю. Искусство ради искусства – не для меня». Словам режиссера присуща некоторая доля лукавства. Дело не только в его интуиции, сколько в большом опыте. Тухватуллин единственный в Татарстане режиссер, который практически ежегодно снимает по полнометражной картине («Орлы» – его четвертый проект). Студия «Рамай», генеральным продюсером которой он является, уже имеет опыт сотрудничества с «Каро-фильм» и другими крупными кинопрокатчиками. Фильм «Дилемма», выпущенный в прошлом году, посмотрело несколько десятков тысяч зрителей. В общероссийских масштабах – цифра смешная. Но для татарстанского кино это огромный прорыв. Если учесть, что в Казани всего лишь один государственный кинотеатр.

Не успев выпустить «Орлов», Рамиль Тухватуллин уже вынашивает замысел следующей картины. На этот раз он хочет снимать фильм для детей. И это в условиях, когда в России заморожено около трети уже запущенных в производство фильмов и будущее кинематографа весьма призрачно. Ежегодные субсидии государства на поддержку отечественного кинематографа будут сокращены с 3 млрд. рублей до 300 млн. Кроме того, Минкультуры РФ предполагает выделять средства только крупным продюсерским компаниям. Их список пока не определен, но определены критерии – это посещаемость фильмов за два предыдущих года, а также прогноз охвата зрительской аудитории данного фильма. В этих условиях шансы татарстанских кинематографов на получение российских государственных грантов близки нулю. По мнению Рамиля Тухватуллина, желание государства оправдать вложения понятны, но эта времененная антикризисная мера вряд ли себя оправдает. «Отдавать деньги только крупнякам – неправильно. Потому что начнется субподрядничество. Я думаю, рано или поздно вмешается федеральная антимонопольная служба. К тому же киноиндустрия – это не только область экономики, но и область культуры. За бортом может остаться настоящее искусство».

С Тухватуллиным согласен и другой казанский кинорежиссер, в прошлом тележурналист, Владислав Петров. Он апеллирует к истории французского кинематографа. В 50-е годы во Франции господствовало синема дюпапа (папино кино). Несколько крупных кинокомпаний полностью узурпировали производство и наводнили экраны развлекательными и непрятательными фильмами. В 1959 г. в этот узкий круг ворвались Ален Рене, Франсуа Трюффо и Жан-Люк Годар, которые буквально взорвали кинематограф. Ни у одного из них не было профессионального режиссерского образования и финансов, но ими двигала всепоглощающая любовь к кино. Все трое, а также многие их единомышленники хотели не просто показать на экране своих ровесников, но и стремились придать этому явлению акту-

«Мы все в этом мире в гостях, – говорит Сафиуллин, – и хотелось бы оставить после себя след. Я решил снять именно татарское кино. На это не жалко было ни сил, ни денег». Доволен ли продюсер? Очень. Стартует фестиваль Минбар за лучшую операторскую работу, которой удостоился Эдуард Ситдиков за фильм «Трехногая кобыла», хранился у Сафиуллина дома. В ближайшее время он обещает сделать ее копию и подарить всем участникам съемочной группы. «Во время работы над этим проектом я познакомился с потрясающими людьми, которые «не заканчивали ВГИК», – продолжает Сафиуллин, – но при этом необычайно талантливы и у которых до этого времени не было возможности проявить себя». Недавно ГУ «Татаркино» организовало прокат «Трехногой кобылы» в сельских кинотеатрах и школах. По данным управления, фильм посмотрело около пяти с половиной тысяч зрителей. Показал фильм и канал «ТНВ». Продюсер получил от проекта то, что хотел, то есть чисто эстетическое удовольствие, славу, но никак не прибыль.

Во время съемок фильма «Три аршина земли»

альные формы, создать новый визуальный язык. Творения гениальной троицы так изменили экранное искусство, что вскоре это направление окрестили «новой волной» – «nouvelle vague». Достижениями новой волны до сих пор пытаются современные поколения режиссеров. «Если в России останется только продюсерское кино – развитие кинематографа остановится, очень быстро закостнеет и превратиться в кладбище режиссерской индивидуальности. – говорит Владислав Петров. – Я не хочу, чтобы, едва зародившись, татарстанское кино превратилось в продюсерское, от которого и так тошнит. Хотя бывают и исключения. В прошлом году мне и моим единомышленникам повезло познакомиться с человеком, который захотел вложить деньги в кино, и при этом не собирался заработать на нем. Так что, наверное, его нельзя назвать продюсером в классическом понимании этого слова».

Речь идет о казанском предпринимателе Ильхаме Сафиуллине, который полностью профинансировал ленту «Трехногая кобыла» по повести Айдара Халима (режиссер Нураин Замалеева). Инвестор принял активное участие в выборе литературного источника для экранизации и даже снялся в одном из эпизодов – сыграл цыганского барона.

Свой новый фильм Ильхам Сафиуллин намерен делать со старой командой. Речь идет прежде всего о режиссере монтажа «Трехногой кобылы» Владиславе Петрове, операторе Эдуарде Ситдиковой и звукорежиссере Вячеславе Слесаренко. После премьеры картины на фестива-

ле мусульманского кино «Золотой минбар» татарстанские СМИ не поспешили для этих ребят на уничижительные эпитеты – «самоучки», «любители», «непрофессионалы». «Сначала мы обижались, – говорит Эдуард Ситдикова, – а теперь просто не обращаем внимания. Спилберг – ничего не заканчивал, Кэмерон, который снял «Титаник» – водитель дальнобойщик, Тарантино – работал билетером в кинотеатре. При этом все те, кого я перечислил, знают кино даже лучше, чем киноакадемики. Еще Тарковский говорил, что если ты где-то учишься, еще не значит, что станешь режиссером. В любом случае сделать хорошее кино очень сложно, даже имея образование и деньги».

Кино в Татарстане действительно в основном делают непрофессионалы. Людей, закончивших специальные учебные заведения, можно пересчитать по пальцам: пара сценаристов и режиссеров, да несколько операторов. Не имея серьезных шансов реализоваться в Татарстане, уехали в Москву и Санкт-Петербург режиссеры Марина Разбежкина и Эдгар Бартенев, оператор Рафик Галиев и многие другие. Впрочем, недавно начался обратный процесс. Оператор Сергей Литовец, уехавший несколько лет назад в Москву, с радостью согласился работать на вышепомянутом проекте «Орлы», а Эдгар Бартенев принял приглашение вести мастер-класс на кафедре киноискусства в Казанском государственном университете культуры и искусства. Татарстанская «киношкола» была открыта с легкой руки Рамиля Тухватуллина. «Кому, как ни мне продвигать и лоббировать наш кинематограф. Для этого я и в правительстве», – предельно откровенен в своих высказываниях Тухватуллин, который не только успевает снимать и продюсировать кино, но и возглавляет Управление культуры и развития языков народов РТ Кабинета министров Татарстана. Конкурс на новоиспеченное отделение киноискусства составил 5 человек на место. Сейчас азы режиссуры и драматургии там постигают 15 студентов. Заведующего кафедрой волнует сейчас только одно – возможность будущих выпускников реализоваться в Татарстане. «Пока у нас есть лишь единичные проекты – удачные или не очень, – говорит Тухватуллин. – Нам нужно глобальное решение, постоянные объемы фильнопроизводства. Нельзя останавливаться. Второй раз мы можем не подняться. В России 7 миллионов татар, и они хотят смотреть кино на родном языке».

В республике давно обсуждают вопрос создания собственной киностудии. Однако окончательное решение пока так и не принято. И кризис, ясно, не способствует реализации этого амбициозного проекта. Руководитель ГУ «Татаркино» Владимир Батраков считает, что республика взяла достаточно высокую планку. В 2008 г. на экраны вышло 13 разномасштабных татарстанских проектов. «Нам важно не только стараться удержать этот объем производства, но и повысить качество работ. Нужны мощные картины, которые могли бы заявить о республике на международном уровне, для чего требуются крупные инвестиции. Но до этого нам пока еще, увы, далеко», – подытоживает глава «Татаркино».

В общем, «татарстанское кино» – это как «смысл жизни». Словосочетание, выполненное подлинного драматизма. Главное, чтобы разговоры о возрождении национального кино не остались всего лишь разговорами. Иначе отдельные интересные работы конкретных татарстанских режиссеров станут фактом не столько национальной кинематографии, сколько их собственной творческой биографии и недюжинных пробивных способностей.

Кадерле балалар!

Газетабыз сәхифәсендә буген без күренекле балалар шағырле Бари Рәхметнәң сөзгә атап язылган шығырләрен тәкъдим итәргә булдык. Бари Сибгатулла улы Рәхмәтуллин 1897 нче елда Урал губернасында (хәзергә Казахстанның Гурьев өлкәсө) туган. 1957 елда Мәскәүдә татар әдәбияты қоннәрендә укучылар каршында чыыш ясаганда кинәт вафат була. Аның әсрәләре, хаклы рәвештә, татар балалар әдәбиятының классик үрнәкләреннән санала.

БУГЕН ӘНИЕМ БӘЙРӘМЕ

Котлап әнием бәйрәмен
Мин челтәрләр бәйләдем,
Ускәч әле матур итеп
Мамык шәлләр бәйләрмен.

Аны шатландырым дип,
Яхши укып йәрим мин.
Тырышып йәрим – вуга алтын
Медаль белән керим дип.

Буген дә тиң йәрмәдем:
Утукләдем керләрен,
Утуклап күйдым бәйрәмгә
Кия торган күлмәген.

Бер эшләргә керешсән,
Нич ялыкмыйсың эштән.

Ялт иттереп өйнә жыйым,
Су китердем инештән.

Сарыкларны карадым,
Тавыкларны санадым,
Оялардан алып кердем
Салган йомырkalарын.

Он тугладым казларга,
Кертеп яптым абзарга.
Киәк-яраклар алырга
Барып кайттым базарга.

Коймак жылытып майладым,
Самоварым кайнады.
Әни кайткач нишләр инде,
Ана эш тә калмады.

Балади-багади

Бари Рәхмәт

Ләлә чана шуа

Ләлә чана шуа,
Шуа, шуа, шуа,
Егылып чанасыннан
Төшеп кала шунда.

Шуып китә чана
Тау астына таба,
Йәгереп төшеп Ләлә
Эләктереп ала.

Карын кага-кага,
Ләлә менен бара,
Таш туырган кебек,
Авырайган чана.

Чана тауга менми,
«Әйдә, тартып мен», – ди.
Ләлә: «Менә қызык!
Ничек меним мин?» – ди.

«Тартып булмый мәллә
Тауга таба, Ләлә?
Шуа белгәч, өйрән
Тартып менәргә дә».

БАЛА БЕЛӘН ӘТӘЧ

– Әтәчем! Әтәчем!
Ник иртә ятасың?
Йокыдан син безне
Иртүк уятасың.

– Мин ятмыйм –
кунаклыйм,
Йокыга бик сак мин.
Хәйләкәр төлкедән
Тавыкларны саклыйм.

– Торасың да иртүк,
Кычыкырасың бик күп,
Кикри-кук, кикри-кук,
Кикри-кук, кикри-кук!

– Мин сина
кычырмыйм,
Әниен торсын, дим.
Кабартма пешерсен,
Самовар күйсүн, дим.

КИТАПЛАР

Рәсемле журналлар,
Китаплар бар бездә,
Тик укый белмибез
Аларны беребез дә.

Без күреп белмибез,
Курмичә укыйбыз
Пушкинны, Тукаини,
Маяковскийни,
Такташны, Маршакны.
Сәхнәдә сөйлибез
кайчакны.

Китаплар эчендә
Күп була рәсемнәр,

Язулар да була
Рәсемнәр астында.
Укыйсы, беләсә
Киә шул барсын да.
Апама киләм мин:

«Беләсем килә бик
Нәрсә дип язылган
Рәсемнәр астына,
Барысын да сейлә»,
– дип.

Ул бер дә иренми,
«Матурым минем!» дип,
Битемнән сөя дә,
Тотына сейләргә.

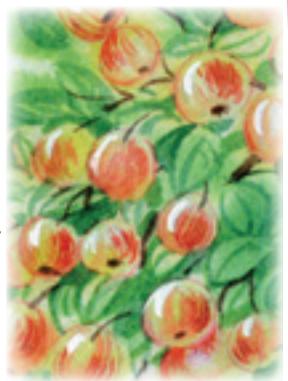
Киә шул барсын да.
Апама киләм мин:

ТОТА АЛМЫЙ

Чалкан яткан Гәләнвәр,
Тормыш ал да гәл анар.
Баш очына матур гына
Әнис алма элгәннәр.

Алмасын ул, тотам, ди,
Тотып алып йотам, ди;
Кулларын да бутап карый,
Үзе бер дә тоталмый.

Тоттырмый шул алма бик,
Качып китә – алдалый.
Гәләнвәрем йодрыкларын
Кабып күя алма дип.

САРА СУГА БАРА

Ия төшеп башын,
Керт-керт итеп басып,
Тәңкә-чуар матур
Көянтәсен асып,

Сара суга бара,
Суга бара Сара,
Су алырга бара,
Кара, карасана!

Көянтәсен сарып
Алган беләкләре,
Шыбыр-шыбыр килә
Зәңгәр чиләкләре.

Нәни кыз булса да,
Эш яраты Сара,
Үңгән кыз ул Сара,
Булган кыз ул Сара.

Сара пөхтә, диләр,
Сара чиста, диләр,
Тәскә-биткә чибәр,
Эшкә оста, диләр.

ТАПКЫР ЖАВАП

– Йокың килмиме, Вәли?
– Күренми әле, әни.
– Күренеп киләмени ул?
– Күренничә килә шул.

ЯЗ КИЛӘ

Яз килә! Яз килә!
Сыерчыклар килә.
Гәрләшеп, сайрашып,
Жырчы кошлар килә.

Бик күңелле тышта:
Кар эри, боз китә,
Чабышып йөриләр
Малайлар бер читтә.

Эх, суга керсән, э!
Чупырдан йөрсән!
Ярамый, орышалар
Әниләр, күрсәләр.

Чыпчыклар түбәдә
«Чыр-чыр-чыр»
киләләр,
Ә сайрый белмиләр
Бернинди көйгә дә.

Бер тавык:
«Кыт-кыт, – ди, –
Без язга чыктык, – ди, –
Йомырка салдым мин,
– ди.

Начало

В 1919 году губернский поддотдел по делам искусств при Наркомпросе в Казани распорядился листовку – «Дети труда! – говорилось в этом обращении. – Если вы хотите быть художниками – живописцами, скульпторами и архитекторами, то идите в Казанские государственные свободные художественные мастерские и учитеся!.. Для вас, дети рабочих и крестьян, двери всех учебных заведений открыты! Будьте творцами своей культуры!» Этот призыв как бы символично совпал с рождением именно в этот год в семье рабочего мыловаренного завода им. М. Вахитова Абдрахмана и его жены Магикамал будущего выдающегося художника и деятеля искусства Хариса Якупова.

Мать Хариса во время страшного для Поволжья голода 1921 года работала в школе уборщицей и сторожем. В стом здании этой школы, в маленькой комнатке, росли все семеро детей Якуповых, привыкая с младенчества к партам, книгам, звонкам. И кусочек мела, оставленный у школьной доски, заменял им игрушки. В этой школе он впервые услышал имена национальных героев как Сахибгәрәй Саид-Галиев, Шамиль Усманов, Галимджан Ибрагимов. Она открывала перед ним страницы поэзии Габдуллы Тукая и Хасана Туфана, она приобщила его к живописи, благодаря школьному учителю рисования Абдурахману Свиргизуну. Он был личноностью в Татарской слободе. Люди знающие говорили, что он знаком с самим Беньковым – художником, учеником И. Репина, окончившим петербургскую Академию художеств. Для Хариса это было первое знакомство с живописью. Научившись обращаться с красками, он начал писать на листах ватмана и фанеры лубочные пейзажи «ах Свиргизун».

В шестом классе он началходить на занятия в изостудию при Доме пионеров, там занимался лепкой, акварелью, рисовал с натуры. В это время Харис уже точно знал, что будет поступать в Казанское художественное училище. Старые газетные подшивки сохранили страничку «Красной Татарии» от 16 марта 1935 года. «В первых числах апреля, – сообщает корреспондент, – прошла выставка-конкурс на лучший детский рисунок [...] На снимке: пейзаж работы пятнадцатилетнего пионера Якупова, 13-я школа, 7-й класс». В другом рисунке, названном «Безработные», Харис изображает, как в ожидании работы стоят, уныло подпирая стену, сидят на земле бедняги с топорами и пилами. А корреспондент детского татарского журнала «Пионерское перо» С. Ахметова в своей заметке о выставке выделила «творческие портреты» Хариса Якупова и Лотфуллы Фаттахова. Оба они стали художниками, а в 1935 году поступили в Казанское художественное училище, над которым с середины 1930-х годов непосредственно шефствовала Всероссийская Академия художеств.

Из всех педагогов, работавших в Казанском училище, самое сильное, самое непосредственное влияние на молодого Якуповаоказал Н. К. Валиуллин, ставший для Хариса и его сверстников настоящим духовным наставником. Н. Валиуллин учил молодых художников работать на пленэре, писать этюды, следя за изменчивым состоянием световоздушной среды, сам часто ездил со своими учениками на Волгу.

Из этюдов, привезенных из этой поездки, три пейзажа Якупова Валиуллин отобрал для отчетной выставки художников Татарской АССР, которая открылась осенью 1939 года в Казани.

Молодой художник осваивал самые разные жанры, такие, как историко-революционный, социальный проблематики, пейзаж, рисунок (политическая карикатура, жанровая и портретная зарисовка), плакат, даже театральная декорация. В этой рано проявившейся разносторонности интересов Хариса Якупова закладывалась основа будущей многогранности его творчества.

Война

Через две недели после нападения фашистской Германии на нашу Родину стрелковая дивизия, в одном из подразделений которой находился Якупов, была переправлена на фронт, и с 7 июля 1941 года, с первой битвы под Чусами, восточнее Могилева, в которой участвовал художник, до самого последнего дня Великой Отечественной войны он находился на огненной передовой.

Первые месяцы войны были особенно горькими. «Началась невероятно тяжелая война в окружении, – вспоминал позднее Якупов. – Непроходимые леса и болота, осенняя распутица... Не поймешь порой, где свои, а где чужие». От усталости засыпали на ходу, на марше, стираясь в полусне не отстать от колонны. А впереди еще были самые жестокие бои на выходе из брянского леса. Конечным пунктом отступления для него в этой войне стал Елец. Освобождение города от немцев ознаменовало в жизни военного художника возвращение к творчеству. Свой первый после на-

Светлана ЧЕРВОННАЯ, доктор искусствоведения

Лалитра века на якуповском холсте

ЯКУПОВ Харис Абдрахманович родился в 1919 году в Казани. Народный художник СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Госпремии СССР, премии им. Г. Тукая (ТАССР) и им. И. Репина (РСФСР), академик Российской академии художеств. Харис Абдрахманович признанный татарский классик современной живописи, его кисти принадлежат полотна, вошедшие в золотой фонд российской культуры. На протяжении четверти века он возглавлял Союз художников Татарстана. В этом году выдающийся художник России и деятель искусств встречает свой замечательный юбилей.

Перед приговором. 1954 г.

чала войны фронтовой рисунок он сделал в день освобождения Ельца – 9 декабря 1941 года, зарисовав в штабе во время допроса пленного автоматчика. С тех пор альбом для зарисовок всегда находился в солдатском ранце художника, и множество рисунков было создано им на фронтовых дорогах.

«Начиная с 1942 года я много рисовал, – вспоминал Якупов, – то, что я делал, было своего рода фронтовым дневником. И потому, однажды открыв альбом, я его уже больше не закрывал и делал рисунки везде, даже в самых невероятных условиях и ситуациях. Профессия художника к этому обязывала. Суриков сказал однажды, что если бы он ад писал, то и сам бы в огне сидел и других бы позировали заставляя. Так вот и я, находясь в огне войны, старался работать, забывая от усталости и об опасности, считая этот труд не менее важным, чем моя армейская служба».

«Наши войска вступают в Прагу», «Прага ликует», «9 мая 1945 года» – таковы надписи на последних военных рисунках сержанта Якупова, таковы в его жизни последние дни бесконечно долгой войны.

К вершинам творчества

В 1946 году в Москве для молодых художников была организована Центральная студия под руководством Б. В. Иогансона и А. М. Герасимова. Якупов был направлен в эту студию для

После изгнания немцев. 1943 г.

занятий. В его группе живопись вел Б. В. Иогансон, рисунок – А. М. Соловьев. Это была короткая по времени подготовки, но сильная школа профессионального мастерства, давшая художнику уверенность в своих возможностях.

Вернулся с войны, уцелел в том аду, который ему пришлось пережить, товарищ Харис – Л. Фаттахов. Первое время друзья жили опять вместе, в тесной комнатке, где ютилось восемь человек, картины писали тут же, устроившись на стуле или на кровати. Потом получили квартиры, мастерские, и жить, и работать стало легче. На тридцатом году в жизнь Якупова пришла любовь – большая, заполнившая всю душу, определившая дальнейшую судьбу. В 1950 году он женился на молодой художнице Рушан Аль-

занской. Содержание творчества Якупова первых десяти–двадцати послевоенных лет отличается жанровой и тематической многогранностью.

В живописном этюде он великолепно умел передать свет, солнечные блики, прозрачные тени, движение, богатство воздушной среды – «Разлив на реке Казанке», «Озеро Кабан», и «Туман на Волге». Своим тихим очарованием выделяется «Солнечный день».

Самое значительное произведение, которое создал Якупов между 1946 и 1957 годами, – картина «Перед приговором (Муса Джалиль в берлинской тюрьме Моабит в 1944 году)» (1954). Здесь был достигнут максимум тех живописных возможностей, какие он мог извлечь из академической тради-

ции, из школы Б. В. Иогансона, из самого принципа сочинения исторической композиции.

Работая над картиной «Перед приговором» в 1953–1954 годах, Якупов проторял в искусстве Татарии новый путь, закладывал традицию, дальнейшее развитие и творческое обогащение которой протянулось на многие годы вперед. Художник поставил перед собой задачу создать образ национального героя. Личность Джалиля, его беспримерный подвиг позволяли решить эту задачу во всей ее сложности и глубине. Внутреннее соответствие живописного образа героическим стихам Джалиля – один из важнейших моментов, определяющих историческое значение картины «Перед приговором». Из всего, что сделал Якупов в послевоенные годы по мотивам татарской литературы и ее истории, – это самое значительное произведение.

Новый этап в творчестве Якупова охватывает 1958–1965 годы. Условно можно назвать его «пестречинским» периодом, ибо главное его содержание определяется работой художника в колхозе имени М. Вахитова Пестречинского района, куда он выезжал каждое лето, начиная с 1960 года. Якупов удается живописно раскрыть особенности национальной поэтики современной татарской деревни, создать впечатляющую портретную галерею знатных колхозников и дядярок, ярко передать дыхание родной природы («Портрет М. Галиуллиной», «Радостное утро» и «Сильные люди» и другие.)

Важнейшими в ряду созданных Якуповым в 1966–1980 годах произведений были большие картины, написанные к крупным художественным выставкам: «Раздумье. Живые и мертвые» (1967), «Большая Волга» (1969); «Полет на свободу» (1971), «Золото Татарии» (1974), «Челнинские красавицы» (1975).

Жанровый и тематический диапазон живописи Якупова снова расширяется. Он пишет полотна исторического, историко-революционного, батального жанров. Возвращается к образам писателей, к драматическим и героическим эпизодам Великой Отечественной войны, создает картины, посвященные событиям крупного политического масштаба («Вручение ордена Дружбы народов Татарской АССР», 1977, в соавторстве с А. М. Родионовым). Отражает процессы и явления трудовой деятельности советского народа (добыча нефти в Татарии, строительство КамАЗа), много работает над портретом, при этом значительно расширяя круг портретируемых, включая в него крупных государственных деятелей (портрет первого секретаря Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеева, 1978), ученых, ветеранов войны («Наш комбат Владимир Мысин», 1968), рабочих–нефтяников.

Главное, однако, что характеризует направление творчества Якупова, – не столько движение экспрессивное, сколько стремление проникнуть мыслью в глубь исторических и современных процессов.

Наше наследие

В этом году (в марте) исполняется 120 лет со дня рождения классика советской литературы Лидии Николаевны Сейфуллиной (1889–1954). В последние два–три десятилетия ее имя как–то ушло в тень, произведения такие, как «Вирина», «Перегней», «Правонарушители» не переиздавались, в том числе и в Татарстане. Более того, даже и часть читательской публики не знает, что она татарка. Да и как быть известной, если в Татарском энциклопедическом словаре (Казань, 1990) имя Сейфуллиной не значится в словаре персоналий. Между тем, отец Лидии Николаевны происходил из казанских татар. В своей автобиографической повести «Из мрака к свету» он описал, как его, маленького, шестилетнего сироту–татарчонка, плохо понимавшего русский язык, увезли студенты–медики из глухой деревни в город Казань. Там его взяла на воспитание добрая русская семья и дала ему образование. Тогда же его окрестили и нарекли русским именем – Николаем. Фамилию сохранили прежнюю. Сейфуллина не забывала своих татарских корней. Не меняла своей фамилии в замужестве. Прожив долгие годы в Сибири, на Урале, в Поволжье, хорошо знала жизнь татар. Известен эпизод, связанный с приездом А.В. Луначарского в Новониколаевск (впоследствии Новосибирск) после освобождения города от колчаковцев. Члены правительства представили закутанную в шубу с нахлобученной ушанкой Сейфуллину со словами «Наша гордость, настоящий талант». Вечером нарком поинтересовался у предревкома: «Вы знакомы с молодым татарским писателем Сейфуллиным?» Тот пожал плечами. «Как же, – удивился Луначарский, – мне сказали, у него прекрасная вещь о малолетних правонарушителях?» Предревком понял, о ком шла речь и пояснил, что это Лидия Сейфуллина. Ей так понравилось это «недоразумение», что с тех пор она, когда приходила к Луначарскому, неизменно произносила: «К нам молодой татарский писатель».

Лидия Николаевна родилась в Оренбургском крае близ Магнитогорска. Начальное образование получила в сельской школе, а затем в Омске закончила гимназию. До профессиональной литературной деятельности работала в Поволжье и Сибири: учителяствовала, в том числе в татарских, мордовских

селах, работала в библиотеках, сотрудничала в местных газетах. Она стояла у истоков рождения такого известного журнала, как «Сибирские огни» (Новосибирск – в те годы еще Новониколаевск, 1922). В первом номере появилась ее первая серьезная повесть «Четыре главы», с которой и начался творческий путь Л.Н. Сейфуллиной, проложивший плодоносную борозду на огромном поле советской литературы.

довольно неожиданно и смело, были высказаны истины о правонарушителях, составляющие аксиому».

В 90–е годы наша научная и литературная общественность по–новому прочитывает и осмысливает наследие. Так, сбросив идеологические шоры, уже по другому воспринимают, например, Павку Корчагина, загнанного официальной критикой в хрестоматийный штамп героя нового, коммунистичес-

лого эмигрантов. И когда Маяковский представил Сейфуллину, из зала ехидно закричали: «Где она, не видим, пусть встанет! На что Маяковский громогласно заявил: «Сейфуллина высоко стоит на собрании своих сочинений!». Она была смелым человеком. Перед первым съездом писателей (1934),

«К вам молодой татарский писатель...»

туры. Она обладала настоящим большим талантом, и ее популярность не была искусственно взращенной, как популярность современников Сейфуллиной – М.Шагинян, М. Прилежаевой, Г. Серебряковой, В. Инбер. Ее дарование очень ценили знаменитые писатели и поэты – М. Горький, В. Маяковский, А. Фадеев, К. Чуковский, Вс. Иванов, И. Эренбург, артисты и режиссеры – А. Попов, Б. Щукин, Вс. Мейерхольд. Поставленный на сцене театра Вахтангова спектакль «Вирина» собирал полные залы зрителей не только в СССР, но и в Европе (Прага, Париж). Л.Н. Сейфуллина – первая татарка писатель, творчество которой оказало заметное влияние на российскую литературу. Вирина совершила новый образ в нашей литературе, женщина, которая глубоко осознала свою и гердерную, и социальную роль в жизни, высоко несла свое достоинство и любовь к людям. Писатель и педагог Макаренко после прочтения «Правонарушителей» так отозвался: «Это небольшой рассказ, тем не мене он сыграл очень важную роль, гораздо более важную, чем «Педагогическая поэма». Почему? Потому что в этом рассказе впервые, и

кого времени. Оказывается, это глубоко размышляющий человек, уже тогда ощущавший – что–то происходит не так, не по–человечески крут и несправедлив большевистский обруч, все туже сжимающий людей, их чувства, мысли, поступки. В новом прочтении нуждаются, конечно, и другие классики. И, разумеется, Л. Сейфуллина. Немало талантливых произведений, особенно написанных в 20–30–е годы прошлого века, были извращены пролеткульговской критикой, работавшей на потребу политического момента. Ждут своих исследователей и произведения Л.Н. Сейфуллиной.

Кроме художественного дара Сейфуллина обладала редкостным даром человеческого обаяния. Она была дружна со многими выдающимися людьми своего времени. Ее обожал В. Маяковский, нежно называвший писательницу «Сейфуллинкой», постоянно звал в свой ЛЕФ, а та упорно отказывалась. Он любил ходить рядом с ней, а Сейфуллина всегда прогоняла поэта, стесняясь своего маленького роста. Однажды они за рубежом вместе выступали перед публикой, среди которой было немало бе-

известных авторов собрали на квартире у Горького. Приехал Сталин. Только что закрыли РАПП (ассоциацию пролетарских писателей), но навязывали писателям тех же руководителей. Сейфуллина сидела напротив Сталина и вдруг громко и четко ему сказала: «Что же, Иосиф Виссарионович, получается? Только что Вы нас освободили от рапповой опеки и теперь хотите опять на писателей хомут одеть?» Это было как разорвавшаяся бомба.

А в 1946 году Сейфуллина защищала Ахматову и Зощенко, хотя это было очень опасно. Между тем ее муж журналист Правдухин был репрессирован в 37 году и расстрелян. Уже перед войной, а особенно после войны стали реже ее печатать. Вот какой разговор в начале 50–х годов состоялся у нее с А.Фадеевым, председателем СП СССР, членом ЦК партии, в которую Сейфуллина, кстати, не вступала. «Ты, Саша, давно знаешь меня, знаешь, что я никогда не иду на поводу у других, хотя бы их было большинство... Ты упрекаешь меня, почему редко хожу на собрания... но даже когда бываю и выступаю... в отчетной статье в «Литгазете» мои выступления

опускают и помещают в «др.» и «пр.»... сказал один перестраховщик: «На сегодняшний момент Сейфуллина у нас не звучит». Как ты расцениваешь такое отношение?» «Какая чепуха», – вырвалось у Фадеева. «Что не веришь? Проверь... А известно ли тебе, что моя пьеса «Наташа» была принята к постановке в театре Мейерхольда, была доведена до генеральной репетиции, а потом исчезла вместе с Мейерхольдом». Она зажгла спичку, руки у нее дрожали. Фадеев чертил сухой веткой по земле и молчал» (З.Н. Сейфуллина. «Моя старшая сестра». М., 1970).

Умерла Л.Н. Сейфуллина в 1954 году, похоронена в Москве на Введенском кладбище.

В произведениях Сейфуллиной живут и переживают свои радости и беды люди разных национальностей. В «Правонарушителях» немало татарских беспризорников, ведь в основу событий повести легла жизнь южноуральской детской колонии в Тургояке. В 20–х годах был написан также рассказ «Темная» о бедном оренбургском башкире, его растерянности и беззащитности в этом быстро меняющемся мире. Рассказ живой, взятый из жизни и переданный без примеси литературщины, потому и трогает сердце читателя. Рассказ, который Сейфуллина планировала развернуть, доработать основательней. Но как–то не сложилось.

ЖЕНЧИНА

живому голосу, сощурил узкие глаза, затряс малахаем, пошел к малайке, смеется, сказать хочет. А мальчишка с ревом скрылся во дворе.

– А, кишикне бас! (маленькая голова). Чего испугался? Вот малайка убежал.

А Шишингара смирился. Его самого всякий обидит. Много били Шишингара. Земский кричал, в ухо давал. Русский мужик бил, как к нему нанимался. Казак нагайкой стегал. Бедный башкир должен молчать. Красный товарищ за бедных, а как ему скажешь? Слов мало, и всех боится. А малайка Шишингара испугался. Глупый!

Щурятся косые глаза. Тупо спокойно скользастое старое лицо. А под дырявым бешметом тревогой бьется сердце.

Ноги сами привели. Вот здесь земство было. Теперь красный товарищ живет. Жалобно скрипнула дверь. Скрипят, как маленькая Хатыча с головой плачет. Внучка и все внуки плачут. И Шарипка, и Гизатулла. Шарипке уже десятый год... Кому скажешь?

Две кызымки бегут по лест-

нице. Молодые, веселые. Гульшат тоже такой козой скакала. А теперь старая стала баба. Все головой трясет и смотрит как барашек, когда его режут. Остановил кызымок.

– Моя главный надо. Товарищ, тюре (господин) надо.

– Что вы говорите?

Бойкая кызымка и ласковая. Расплывается лицо Шишингари.

– Товарищам красный начальник надо.

– Не пойму. Предисполко- ма, что ли?

– Сполком... Сполком...

Обрадовался, – смеется. Вспомнил: так зовут.

– Сейчас, Михаил Петрович!.. Вот идите сюда. Вот к этому столу.

Подошел. Самый главный или нет?

– Михаил Петрович, вот ему в кабинет надо. Поговорите с ним. Подождите. Он вас проводит.

Убежала. Малый начальник ждет. А Шишингара старый ку- шак развязывает. За пазухой долго ищет. Там царская пяти- шка спрятана. «Темную» (взят-

ку) Шишингара дать хочет. Начальству всегда надо «темную» давать. За тем и пришел в город. Дать «темную» и просить – хлеба в Куватово послать.

– Что вам, товарищ? Порусски можете?

– Русски... можно... мож- на...

Торопится, достал, трясет пятишкой...

– Нашальнику моя дает. Красному нашальнику. Пускай хлеб Куватова дает. Ой–ой–ой, Шишингара терпил, все терпил. Плохо в Куватови! Абтра- ган.

– Зачем «начальнику» пла- тить? Я не пойму ничего.

– Красной товарищ... Ши- шингара дает. Сказать надо. И лошадка ржет, када бульна, и собака вует, када смильт идет...

И моя конец сапсии... Возьми «темную»... Пожалыста бери... Пожалыста хлиб давай. Ой–ой–ой, плохо...

Силился сказать, щурит- ся... Чего скажешь? Русский умный, тот скажет и про Шарипку, и про Гизатуллу с Хатычей, и про старую Гульшат. Про все скажет. Малайки дохнут.

Все на мазарки тащат башкир. Бабы воют. Никто не слышит. Башкирский народ смирился и ничего не знает. Хлеба у него всегда мало. Русский землю пахать умеет, башкир плохо умеет. Русский просить умеет.

Понял малый начальник.

– Взялку дать хочешь? Ай-ай-ай, какая темнота!

Говорит долго. Не поймет Шишингара. Видит только – не берет «темную». Не пускает к красному товарищу.

Уходить надо. Опять скрипит дверь. Опять на улице. В руке крепко держит свою «темную».

Помнит, всегда «темная» помогала. Когда земский начальник своей жене землю у Куватова покупал, – мулле и старшине «темную» заплатил, и продали землю. Куватовским плохо стало. Один песок остался. Молодые башкиры не хотели. А мулла и старшина «темную» взяли и под бумагой под- писали всех мертвых башкир куватовских, и много подпись стало. Все по закону вышло. Помогла земскому «темная». И много Шишингара про «темную» знает. Помогала.

Малый начальник не взял. Куда пойдешь?

Публикация
Р.Г. Гузайрова

Зеленым прокурором заключенные сталинских лагерей называли побег. Как поясняет Ал. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», этот прокурор, то бишь зеленый лес, случалось, хотя и чрезвычайно редко, вчистую освобождал зека, давал ему шанс изменить свою судьбу. В главе 14-й «Менять судьбу!» автор знаменитой книги описывает наиболее дерзкие побеги из концлагерей, в том числе и из Краслага в послевоенные годы. Этот побег, как и многие, не увенчался успехом. Солженицын пишет, что все его участники погибли. Но молва о том побеге дошла до Солженицына не совсем точно. Погибли не все, одни из оставшихся в живых был Закир Габайдулин (точнее, Габайдулин, родился в 1928 г. в Улан-Удэ). Судьба сберегла его, если уместно здесь это слово, до времен перестройки, когда правде о сталинизме был дан простор, до дней, когда Габайдулин мог прочесть книги Солженицына. Тогда и заметил Закир Зинатулович неточность, написал автору о ней. Так родились воспоминания бывшего зека, которые в сокращенном варианте предлагаем вниманию читателей.

В 1948 году я был арестован за прогул от работы и отправлен в тюрьму. Где-то через месяц меня вызвали на суд. И там мне объявили, что я обвиняюсь по Указу от 1947 года и должен понести наказание за прогул, как за саботаж (ст. 58). И так мне прокурор вынес – 7 лет лишения свободы. Дали мне последнее слово. Я сказал всему составу суда: «вы враги народа и недобитые ежовцы». После чего мне суд вынес 10 лет и пять лет поражения в правах с отбытием в строго режимных лагерях (ст. 58-14). Итак, моя жизнь попатала и поехала «по воронкам и столыпинским вагонам».

Первое время я не мог понять, что творится в юридических законах: абсолютно ни за что судят людей. Сначала я думал, что меня только одного осудили по Указу за прогул. А когда увидел: в тюрьме таких, как я, сотни человек, окончательно понял, что это террор и вредительство.

Да, я должен Вам сказать, что у меня ненависти было хоть отбавляй, притом я был настырым. За свое самолюбие я много страдал в лагерях, которые прошел, и всюду лагерная администрация колола мне глаза, как саботажнику. А надзиратели были хуже немецких полицай, постоянно ходили с железными тростями. За одно неправильное слово или этими тростями, садили в карцер или в барак усиленного режима. Но сколько они меня не мордовали, я все равно перед ними на задних лапках не стоял и пощады не просил.. Им нужна была дармовая рабочая сила, вот они по плану и делали чистку, сколько, куда нужно заключенных. Понадобилось в Китайлаг на новую стойку 60 тысяч человек, они быстро свезли со всего Советского Союза. Что такое Китайлаг? Станция Китай в Иркутской области. В то время там стоял густой лес. В 1947 году нагнали заключенных, спилили лес, поставили юрты и бараки, огордили колючей проволокой и – пошли шпалы заключенных. Таких зон сделали 25 и почти в каждой было по две с половиной тысячи. Начали строить секретный комбинат и одновременно строить город Ангарск.

...Теперь опишу Краслаг. В 1949 году меня этапировали в Краслаг. Почему называется Краслаг? Я Вам должен сказать: это Красноярский край, станция Решеты. В этих Решетах было само управление лагерей, зон в то время было около 15. В основном – леса повальные. На одну из них пришел (называется она Верхняя Поканевка) ОЛП № 9 строгого режима.

Контингент лагерников был в зоне разный: были и воры, и политические, и головорезы. Зона делилась на три группировки. На воровскую, на сучью и на музыку. Но мужики это вечно рабы. А воры и суками считали себя благородными. Но между ворами и суками постоянно была смертельная вражда, зачастую были трупы. Здесь в основном шла травля друг друга с помощью лагерной администрации, чтобы шло уничтожение самими себя. Ибо в то время администрация смеялась: якобы где-то они вычитали из истории Ленина, что он сказал о том, что преступный мир искоренит сам себя. Так вот администрация и действовала.

Закир ГУБАЙДУЛИН

ЗЕЛЕНЫЙ ПРОКУРОР

Мертвая дорога

Зачастую и мужики страдали от этой мясорубки. В зоне был страшный произвол со стороны лагерной администрации: заключенных сильно избивали, спали на голых нарах, на ночь бараки замыкали, кормили очень плохо. Люди умирали от истощения. На работу водили далеко. Тогда в основном лес вывозили на лошадях по лежневке, труд был каторжный. Сколько людей вымерло – об этом знает один медведь, так называли там прокурора.

И вот меня упрашивали в барак усиленного режима. В камере нас сидело где-то человек 25. И вот в один прекрасный день открылась дверь нашей камеры. Показался у порога начальник режима. Он обратился к нам: «Кто желает на работу?» Мы спросили: «Могилу копать?» Он сказал: «Силосную яму скрывать». Мы согласились выйти.

На другое утро нас действительно вывели на силосную яму. Вышло нас 10 человек. Конвоировали нас два солдата. Поработали мы первый день, второй – стали потихоньку в доверие входить, ибо они нас просили разжечь им костер, мы разжигали. А другие заготавливали дрова для них и для себя. Вроде бы помаленьку вошли к ним в доверие.

Вот здесь-то мы между собой решили их обезоружить и бежать. У нас было много ненависти к солдатам этого взвода, ибо когда нас выводили из зоны на работу, или на лесоповал, или на шпалорезку с большой партией, что они с нами вытво-

ряли! Народ был истощен, еле-еле двигались. Солдаты всю партию, человек двести, клали в грязь и в воду, травили собаками, чтобы те нас драли. И все это делалось по указанию командира взвода. Зачастую нас клали без причины, из прихоти. Что мы пережили в годы страшного произвола, я не желаю это своему врагу.

И все это было, это не приукраска. Я пишу это только кратко. Хотя нас и считали врагами народа, но они были сами хуже варваров. И жаловаться было некому.

Вот я опишу всех десять человек, кто правильно написал в своей книге Александр Исаевич. То есть я тороплюсь описать,

реляли, перевес был на их стороне), и мы решили сдаться. Командир кричит: «Карабины отбрасывайте в сторону и идите ко мне!» Мы так и сделали, карабины отбросили и пошли.

Вот здесь нас солдаты взяли в кольцо и конвоировали до самой дрезины. Там нас усадили на нее и увезли в Решеты, в лагерный следственный изолятор. Медицина оказала нам помощь. Сделали нам перевязки, а Волкова на операционный стол, где ему ампутировали руку почти до самого плеча.

И вот начались наши мытарства по следственному отделу. Стали нам фабриковать дело: что мы хотели бежать за границу. Мы их фабрикацию не стали подписывать. Нас били, пугали каждый раз, но все равно мы не подписали.

Так нас теребили целых полгода. За это время наши дела отправляли в Москву два раза для применения статей суда военного трибунала. К нам применили четыре статьи (самые страшные): 58-14 – групповой побег; 58-11 – саботаж; 58-8 – террор; 59-3 пункт 16 – истребление людей.

После этого нас отправили из Решеты в Кансскую тюрьму Красноярского края. Нам еще до суда пришлось сидеть в этой тюрьме полгода.

Приехал Военный трибунал Новосибирского округа – тройка. На суде мы узнали о том: что наш одноделец – Урозаев покончил жизнь самоубийством (повесился) за три дня до суда. Так как мы сидели по одиночкам, то и не могли видеть друг друга и знать о других.

Итак, начался суд. Судили нас прямо в тюрьме, в Красном уголке. Применили к двоим как организаторам статью 58 пункт 8 (террор), которая в то время означала – высшая мера наказания. Другие статьи не гласили высшей меры, так как в те годы расстрел был отменен. Алиметову и Волкову присудили – террор, суд приговорил к расстрелу, без обжалования. Нам остальным суд вынес по 25 лет строгого режима лагерей, первые пять лет – тюремный режим.

Месяца через три после суда меня этапировали в Ригу для отбытия тюремного заключения. Я ровно год просидел, затем меня отправили в Брест-Литовскую тюрьму для дальнейшего отбывания наказания. Опять через год меня отправили в Ставрополь. Еще через год отправили во Владимирскую тюрьму, а последний год тюремного заключения отбывал в Тобольской тюрьме.

После тюремы меня этапировали опять в тот же Краслаг только не в 9 ОЛП, а на 12-й, рядом в восьми километрах. Но 12 зона с таким же режимом, что и 9 ОЛП. Всего же произвол, вся же мясорубка и смерти ежедневно.

Через 9 месяцев меня этапировали в Китайлаг вторично. Пробыл я там около двух лет, затем меня перевели в Омские лагеря. После Омска перевели в Приморье, в Уссурийск. Одним словом, покатали меня досыта.

В общей сложности я прошел много тюрем, постоянно шел транзитом. Только в одной Москве прошел через Красно-пресненскую тюрьму четыре раза. Был также в тюрьмах в Сызрани, Куйбышеве, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Армавире, Уфе, Челябинске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке. Только не был я в Магаданской тюрьме, а по всему Советскому Союзу прошел почти половину тюрем.

Но, правда, транзитчики больше трех дней в одном месте не держали, отправляли дальше. За пройденный мною путь сколько я видел унижений, слышал оскорблений со стороны тюремных надзирателей – это я знаю один...

Рассказ

Роза ХУСНУТДИНОВА

РАУЗА И ЗАУЖЯН в Москве (90-е г.)

Где-то совершаются героические действия: люди работают под землей, добывая уголь днем и ночью, в жестокий шторм вытаскивают из ледяной воды сети с рыбой, не боясь гриппа и простуды, спасают людей, терпящих авиа-, авто- и железнодорожные катастрофы, тушат пожары в небоскребах, рискуя заживо сгореть в бушующем пламени, взламывают ледоколами льды, спасая китов, попавших в ловушку. Будни Раузы и Заужян были далеки от подобных масштабных действий.

Рауза просыпалась, подходила к окну, смотрела на заснеженное пространство перед соседним шестнадцатиэтажным домом с неподвижными железными качелями и перекладинами для выбивания ковров, на низкое облачное небо, с которого безостановочно сыпался снег с дождем, смотрела в зеркало на свое лицо, еще не проснувшееся, бледное, почти бесмысленное, с узкими щелочками глаз, но – умывшись, надев свежую кофточку, мягкий оранжевый халат, приведя в порядок волосы, коснувшись пуховкой щек, помадой – губ, почувствовав себя вполне красавицей и умницей, отправлялась на кухню, ставила на плиту чайник, входила в комнату Заужян.

– Вставай! Уже утро!

– Не хочу вставать! Руки – ноги болят, голова кружится, во рту пересохло, зачем вставать, если все болят!

– Вставай, чай на столе.

Охая и кряхтя, Заужян поднималась, надевала стеганый ватный халат, валенки, клетчатую шаль на плечи, направлялась в ванную. Здесь, присев на краешек ванны, так как не в силах была стоять, чистила зубы, вынув их из чашечки с водой, вставляла в рот и, приободрившись, входила на кухню.

– Чай будем пить с медом, – говорила Рауза.

– С каким медом? – удивлялась Заужян.

– С тем, что прислала Гузель.

Лицо Заужян прояснялось. – Когда же она его прислала?

– С Рустемом. Помнишь, приезжал летом?

Заужян задумывалась, отпивала глоток чая, пробовала мед и, улыбнувшись, кивала. – Да, Гузель всегда любила меня!

Но через некоторое время опять тяжело вздыхала. – Плохой сон видела нынче! Будто стою на берегу речки в Актау, а на другом берегу стоят Магдан, Миргалим, Усман, Мушарафа – те, кого

уж в живых нет... Меня к себе зовут. Видно, подошло мое время!

– Тебе Зубейда письмо прислала! – перебивала Рауза и вынимала из кармана халата конверт.

Заужян торопливо разрывала конверт непослушными пальцами, пробегала письмо прищуренными глазами, усмехалась. – Зубейда зубы себе вставила! Пишет – “неудачно”! Удивляюсь: почему это люди себе зубы как следуют вставить не могут? Вот, посмотри на moi, как они тебе?

– Как жемчуг!

– Дело не в том, жемчуг или не жемчуг, а в том, что удобные! Совсем как свои! Бедная Зубейда! А ведь на десять лет моложе меня!

Рауза шла в комнату Заужян, приоткрывала окно, со свистом врывалась в свежий морозный воздух, от ветра шевелились сухие ветки бессмертника в керамической вазе на журнальном столике. Рауза вспоминала глянцевые листья карликовой пальмы в деревянной кадке у входа в курортный городок на берегу Красного моря в Египте. Их привезли туда на целых три дня, для отдыха и купания... Это было совсем недавно,

уза. – Если только ты кого-нибудь не позвала...

– Никого я не звала, – пожимала плечами Заужян, – написала только Асхату, что я в Москве... Если будет проезжать мимо, пусть зайдет... Асхат мне очень помогал, особенно, в войну... Интересно, что он привезет в подарок? Наверное, что-нибудь немецкое, ведь старшая его дочь Альбина замужем за немцем. Ганс его зовут. А познакомились они так...

– Я тебе сейчас газету принесу, почитаешь, – прерывала ее Рауза, – а мне работать надо...

– Работай, пожалуйста, разве я против? – удивлялась Заужян. – Только я сначала полюблю цветы в твоей комнате, ты их не поливаешь совсем! А цветы – как люди, хотя есть и пить. Как заявила эта традискация! Что это за земля у вас – серая какая! Вот у нас в Актау земля была черная–черная! Посадишь прутик – завтра зазеленеет! А картошка какая вкусная была! Молодую картошку мы как яблоки ели – сырой! Бывало, в середине лета выкопаем с Мушарафой картошку в нашем огороде, побежим к речке, – она у нас под горой текла, – вымоем карто-

купаться... А этот узор похож на медведя... А этот – на женщину из Урзая...

– Какого Урзая?

– В семи верстах от нашей мельницы...

Рауза качала головой, уходила в свою комнату, пытаясь сосредоточиться: “Храм царицы Хатшепсут был вынесен в скале, в Долине Царей. Мы вышли из автобуса и направились к величественному сооружению, соперничающему разве что с Кносским дворцом на Крите...”

В девятом часу вечера Заужян с решительным видом входила в большую комнату, где за письменным столом сидела осунувшаяся от творческих фантазий Рауза, и твердым голосом произнесла. – Включай телевизор! Программу “Время” будем смотреть! Я не из тех старушек, что весь день лежат на печи. Хочу знать, что случилось в мире!

И, усевшись в кресло перед телевизором, пару раз уронив наушники, прикрикнув на них, как на живые существа: “Опять не слушаетесь!” – и, наконец, наладив их как следует, вытянув руки на коленях, кивала. – Включай!

Доброжелательно поглядывала на экран, на дикторшу телевидения, кивала. – Молодец! Со вкусом оделась! И прическа скромная. Без бумажки говорит, видно, память хорошая...

Потом принималась комментировать. – Наджибула как потолстел! Война идет, а он толстеет! Нехорошо! А Маргарэт Тэтчер почему нервничает? Такая выдержанная женщина, а сегодня смотрит сердито, наверное, в Англии что-то случилось! А Шеварнадзе – каков! То он в Америке, то в Японии – везде поспешил! Смотри, а глаза у него какие хитрые, как у кошки...

После программы “Время” начался художественный фильм. Заужян несколько минут смотрела на экран, потом решительно снимала наушники.

– Неприятные лица! Ничего хорошего между ними не может быть! Зачем на них смотреть? Выключай!

Подойдя к дочери, обнимала ее. – Не сиди допоздна! Красоту и здоровье тетьять нельзя! Столько работает!

Уходила в свою комнату, переодевалась в розовую бумазеевую рубашку, подкрепленную

ф -
ли -
и тут же
съ е д а е м !

Хруст стоял та-
кой, что как-то про-
езжал мимо Кашфи абзый, так
потом сказал отцу: “Твои дочери, Мас-
алим абый, что-то из реки вытаскивали
и грызли, что – не пойму, но треск стоял
такой, будто камни в бане натопленной
от жара трескались...”

Рауза приносила газеты, и Заужян, надев очки, усаживалась в кресло, принималась читать, сначала – крупные заголовки, потом – помельче... Если попадалось слово “Уфа”, “Казань”, прочитывала дважды.

В час обедали. Заужян, неосторожно двинув локтем, смахивала со стола тарелку с голубой каемкой, расстраивалась.

Рауза утешала. – Я эту тарелку никогда не любила, как она к нам попала – не помню...

Заужян успокаивалась, веселела.

После обеда, вымыв посуду, направлялась в свою комнату вздремнуть.

Долго лежала, обратившись лицом к стене, шептала, глядя на ковер. – Один, два, три, семь...

– Что там считаешь? – заглядывала в комнату Рауза.

– Уточек на воде.. Видишь, как эти узоры по краям ковра похожи на уточек, идущих друг за дружкой к пруду

пятидесятилетней давности, потом подходила к фотографиям на книжных полках за стеклами. Вглядывалась в них, приговаривала. – Усман, это я. Марган, сынок! Рита, Рустем, живите дружно!

Перечислив всех, кого не забыла, направлялась к дивану и укладывалась спать. Долго заворачивалась в шерстяное одеяло, засунутое в цветастый надушенный пододеяльник, закрывала глаза, но вдруг снова широко раскрывала их и громко звала. – Рауза!

Рауза прибегала. – Что? Сердце? Дать валокордин?

Заужян улыбалась, качала головой.

– Нет, валокордина не надо... Просто я вспомнила... Подумала, что хорошо я сделала, что не вышла замуж за этого красивого Мансура, из института, когда отец ваш умер... Умно я поступила! А то был бы у вас отчим, неизвестно, какой! Ладно, теперь иди, спокойной ночи! Только дверь не закрывай, да прислушивайся, дышу ли... Не умереть бы во сне... Да не делай ты таких глаз! От разговоров о смерти еще никто не умирал! И я не умру... Спокойной ночи.

Поэтическая гостиная

Алёна КАРИМОВА
(Каримова Алия Каюмовна)

Родилась в 1976 году в г.Кызыл-Кия Ошской области.

Живет в Казани.

Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Октябрь», и др.

Автор сборника стихотворений «Другое платье».

Была участницей нескольких форумов молодых писателей России в Липках, стала стипендиаткой министерства культуры РФ (2005).

Лауреат Первого Форума молодых писателей Поволжья (Саранск, 2006).

Была участницей 41-го Пушкинского праздника (Пушкинские горы, 2007).

Член Союза писателей Татарстана и Союза российских писателей.

Я подожду тебя в созвездии Близнецов,
Кастор будет читать стихи,

а Поллукс играть на флейте.

А может, подожду на Луне,

под всевидящим оком сов –

Там легко и туда не

заглядывает даже ветер.

Я подожду тебя на кольце Сатурна –
Все его спутники мы сосчитаем вместе,

Знаешь, Земля оттуда

выглядит совсем недурно,

И Господь иногда

посыпает на землю вести...

А можешь оставаться и дожидаться весны,

Я буду сниться тебе по понедельникам,

По понедельникам снятся сны

Только таким как ты бездельникам.

А хочешь, нас не будет

ни в шутку, ни всерьез,

Нас забудут с тобою по небрежности.

Створение мира –

не такой уж сложный вопрос,

Но в нем почему-то

всегда не хватает нежности.

Потягивая чай из блюдца,
беспечно дальнего любя,
легко на свете обмануться
в необходимости себя.

И вправду, кто бы смог еще
так горевать проникновенно
над неустроенной Вселенной,

масштабы не приняв в расчёт.

Не ты ли, жизнь, лгала, что ты – моя?
Что ты – родня, одной со мною крови.
Я обошла бы все твои края,
Но тонок ток твоей ко мне любви.

Но злое трио греческих старух
Не вяжется с твоей смешной повадкой
Болтать про всё. А мой животный слух
Всё переймёт. Я все впишу в тетрадку.

Не смей меня ловить в лукавой перекличке –
нескладный алфавит, как ящерицын хвост
достанется тебе – я выйду сквозь кавычки –
возвыщу прямую речь, ее рисунок прост.
Когда-то и меня кружило в карнавале,
и тайны вожделев, вослед тебе влекло,

но нынче близорук мой взгляд, и трали-вали
мне скучно заводить сквозь умное стекло.

Миллионы мелочей сплетут густую чащу,
покуда в пользу «быть» решается вопрос...

Не смей меня любить – я стану настоящей –
и не смогу других воспринимать всерьез.

Всё бы прощать золотых стрекоз
с крыльями чистой, как дождь, слюды,
всё бы шептать тебе сквозь наркоз
координаты большой звезды,
чье притяжение нас убьёт,
не разобрав, что свои. Свои.
Мрачных больниц нашатырь и йод
так же полезны, как яд змеи.
Невозвращенья гудит струна,
ей искушённый не внемлет слух.
Эта другая моя страна
сгинет, едва прокричит петух.

Март

1

Ну вот и снова за околицей
Весенней сутолоки звуки,
И март последней льдинкой колется
В коснувшиеся снега руки.

И жмутся ручейки к обочинам,
И чудятся везде кораблики,
И фонари сияют ночью нам,
Как золотые дирижабли.

На пятаке асфальта сереньком
Стою, нечаянно счастливая,
Намереваясь новым Берингом
Пройти опасными проливами.

2

У моей метели опустились крылья –
Ташится пешочком, но дойдет и так.
А меня на свете научить забыли,
Как от дел великих отличить пустяк.

На деревьях черных поразвесив небо,
Провожал до дома и лукавил март.
А теперь и правда, все равно, что небыль.
Март тасует строчки, как колоду карт.

То ли взгляд остался, то ли полсловечка,
То ли, шепелявя, снег сползает с крыш,
Вот и потерялось тонкое колечко,
Я тебя запомню, ты меня простишь.

Пророк МУХАММАД
(салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИС

Пожелай для других то, что желаешь для себя, чтобы быть верующим, и будь добр к соседям, чтобы быть мусульманином.

Бойтесь Бога, и справедливо судите (дела) между своими детьми, подобно тому, как вы хотите (от них) доброго отношения к себе.

Бойтесь проклятия угнетенного, так как его проклинания, как языки пламени, поднимаются до небес.

Аллах научил меня искусству слова — и хорошо научил.

Покуда можете, предупреждайте исполнение наказаний в отношении мусульман — для предводителя лучше ошибаться в награждениях, чем ошибаться в наказаниях.

Если Аллах хочет добра своему слуге, то очистит его перед смертью. Спрашивали: «Каким образом очищает его?» (Пророк (с)) сказал: «Вдохновляет его к совершению доброго дела и при исполнении отнимает душу у него».

Когда Аллах хочет творить что-либо, никто не может препятствовать Ему.

Наилучшая словесная милостыня — заступничество, через которое освобождаешь пленника и предотвращаешь кровопролитие и приносишь пользу и добро для своего брата и предупреждаешь зло от него.

Примирить двух (враждующих) — есть наилучшая милостыня.

У кого есть ум — спасется.

Когда не можете изменить что-либо, потерпите, пока Бог не изменит.

Если кого-нибудь из вас охватывает гнев — пусть сядет, если стоит, а если сидит (при этом), то пусть ляжет (дабы не действовать).

Помни о Боге — он твой помощник в делах.

Пользуется уважением больше всех тот, кто не вмешивается в дела, не касающиеся его.

Помилуй тех, которые находятся на земле, чтобы помиловал тебя Тот, который находится на небесах.

Лучшее дело после веры в Бога — есть дружба с людьми.

Если (вдруг) начнется День Суда и в этот день в руках у одного из вас останется саженец, то он должен посадить его, если успеет.

Бог наставлял вас к стараниям, так старайтесь!

Самые совершенные из верующих — те, которые обладают большим добронравием, и самые добрые из вас — те, которые больше всех добры в отношении жен своих.

Смотри, ты ничем не можешь превосходить краснокожего или чернокожего, кроме как чистотой нравов.

Аллах подкрепляет Ислам и через мужей немусульман.

Как только муж смотрит на свою жену, и жена смотрит на своего мужа, Бог с благословением созерцает их.

Бог не сотворил ни одной болезни без того, чтобы определить лечение его...

Сердце людское подобно воробью — каждый день меняется семь раз.

Бог красив и любит красоту. Бог щедр и любит щедрость. Бог чист и любит чистоту.

Ваша вера становится ветхой как ваша одежда. Попросите Аллаха, чтобы обновил вашу веру в ваших сердцах.

Знайте: Самый зоркий глаз тот, что устремлен к добродетели.

Знайте: Самый острый слух тот, что внемлет словам для бодрствования сердца.

Знайте: Довольство и владение над (своими) телесными желаниями — величайшая чистота непорочность.

Знайте: Ваше существо оценится только Раем и ничем, кроме Рая. Смотрите, не продешевите себя.

Знайте: Мудр тот, кто принимается за дело, тщательно обдумав и все предусмотрев.

Знайте: Незнающему не нужно стыдиться приобретать знания, ибо мера каждому — знания.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурин Р.С.,
Председатель Редсовета.
президент Некоммерческого
партнерства «Ватаным»
«Мое Отечество», академик
Российской академии
медицинских наук, почетный
академик АН Республики
Татарстан, кардиохирург

Алишина Х.Ч.
доктор филологических
наук, профессор Тюменского
государственного университета

Асадуллин Р.М.
президент Башкортостанской
организации «Ватаным»,
ректор Башкирского
государственного педагогического
университета, доктор
педагогических наук,
профессор

Володарская Э.Ф.
член правления «Ватаным»,
ректор Московского
института иностранных языков,
главный редактор журнала
«Вопросы филологии»,
академик РАЕН

Давлетшин Г.М.
доктор исторических
наук, профессор Татарского
государственного гумани-
тарно-педагогического
университета

Нигматулин Р.И.
член правления «Ватаным»,
академик Российской
академии наук, директор
Института океанологии РАН

Рыбаков Р.Б.
директор Института вос-
токоведения РАН

Сейфуль-Мулюков Ф.М.
член правления «Ватаным»,
журналист-междуна-
родник

Смаков Р.М.
член правления «Ватаным»,
зам. председателя Верх-
шовного Суда РФ в отставке,
заслуженный юрист Россий-
ской Федерации

Табеев Ф.А.
член правления «Ватаным»,
в прошлом многолет-
ний руководитель Татарской
АССР, посол СССР в Афгани-
стане, первый заместитель
Председателя Совета Минис-
тров РСФСР

Тишков В.А.
директор Института этно-
логии и антропологии РАН,
академик РАН

Фатхтдинов Ф.К.
главный редактор рес-
публиканской общественно-
политической газеты Баш-
кортостана «Кызыл Тан»,
кандидат филологических
наук (Уфа)

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

**Зам.главного
редактора**
Ромен Гузаиров

**Исполнительный
директор**
Шавкат Янгильдин

Компьютерная верстка
Айгуль Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

К шикарному дому подъехал роскошный тарантас. Услышав шум, человек в белом фартуке, только что подметавший двор пошел открывать ворота. Приезжий небрежно бросил ему вожжи и приказал вести к Ахмед-бай. Человек с метлой в руке спокойно сказал:

— Какое у тебя дело к нему? Я и есть Ахмед-бай.

Это был Ахмед-бай Хусаинов — владелец многомиллионного состояния, построивший на свои средства свыше ста мечетей, медресе и мектебе, и завещавший после своей смерти в пользу российских мусульман

то может сделать то, что не умеют другие. Однажды он узнал, что группа еврейских и немецких купцов скупает в округе Оренбурга кишки забитого домашнего скота. Тогда он тоже стал скупать эти кишки и продавать их заезжим торговцам. Потом решил обойтись без их помощи и стал сам сдавать кишки в посредническую контору, которая раньше брала кишки у немцев. Дальше — больше. Татарский торговец дошел до того, что стал обходиться и без услуг конторы. В 1893 г. он открывает в Берлине свой торговый дом и завозит в Германию большую партию

Азат АХУНОВ

Ахмед-бай Хусаинов

солидную часть своего капитала. Он родился в 1837 г. в Каргалинской слободе, неподалеку от Оренбурга. Предки его были состоятельными людьми, но отец Ахмед-бая промотал оставшуюся от отца богатство и оставил своих многочисленных детей в нищете. Ахмед и его братья с раннего детства познали тяжелый труд: ходили на поденные работы, насли скот богачей, делали кизяк и саманные кирпичи, работали по сути ради куска хлеба. Ахмед любым путем мечтал вырваться из унизительной нищеты, откладывая заработанные крохи и накопил целых 5 рублей! Понувствовав себя увереннее, он переехал в Оренбург и на эти деньги начал мелочную торговлю. Ему сопутствовала удача, вскоре начинающий предприниматель сумел купить лошадь с упряженной. Он решил, что не стоит заниматься делом в городе, где большая конкуренция, поэтому отправился торговать в казахские степи, нагружив свою телегу различным штучным товаром. Ахмед не прогадал — простота и наивность казахов и полнейшее отсутствие конкурентов помогли ему сделать начальное состояние. Переехав в Оренбург Ахмед-бай, вместе с братьями, начал профессионально заниматься торговлей и несказанно разбогател. После 35-летней совместной торговли, братья заработали состояние в 35 миллионов рублей! Но Ахмед-бай захотел самостоятельности, перебрался в Казань, где и продолжил свою успешную коммерческую деятельность. Он работал не щадя сил, а неудачи и неизбежные провалы еще больше раззадоривали его, делали умнее и изворотливее. Хусаинов был уверен в том, что он запрос-

Медресе Хусаиния в г. Оренбурге

кишок. Подобное же предприятие он организует и в Париже. Но незнание западных языков и реалий местного рынка не дали ему возможности развернуться на полную катушку. Чтобы нормально функционировать на западном рынке он обратился к услугам еврейских маклеров. В результате, он получал меньше дохода, хотя в целом прибыль пошла приличная. Но не имея возможности самостоятельно вести торговлю, несмотря на доход, он закрыл свои торговые дома. Из этого он вынес урок — для полноценной конкуренции с немецкими и еврейскими купцами необходимо знание языков, правил банковского обращения и хорошая финансово-экономическая подготовка. Он никогда не забывал о коммерции. Например, во время хаджа он заметил, что шкуры принесенного в жертву скота пропадают зря. Торговец собрался было организовать их сбор, но государство само занялось этим делом.

Ахмед-бай был очень набожным человеком, где бы он не был, никогда не пропускал обязательного пятикратного намаза. При этом не любил алчных, недостаточно усердно исполняющих свои обязанности мулл. При встрече он жестко критиковал их, при этом никогда не повышая голоса. Хусаинов уважал грамотных, сведущих людей. Если на должность имама в его приходе претендовал знающий, но молодой мулла, он, не раздумывая, брал его к себе. Ахмед-бай хоть и считался прижимистым человеком, но на образование деньги выделял с большим удовольствием. Он считал это богоугодным делом и никогда не экономил на благотворительности. Немало шакиров дов учились на его средства в лучших мусульманских учебных заведениях Стамбула, Каира, Бейрута. Кроме того, он платил жалование сорока учителям, обеспечивал учебниками двести школ. Спонсировал на сотни ты-

сяч рублей медресе и мектебе. На хозяйственные нужды одного только оренбургского медресе «Хусаиния» Ахмед-бай израсходовал около ста тысяч рублей. При постройке мечетей, он требовал использования самого дорогого и качественного материала. Некоторые просители хотели от него полного финансирования, вплоть до внутреннего убранства мечети. В таких случаях, он говорил: «Если я вам дам все, вплоть до молитвенных ковриков, то боюсь, что в следующий раз вы попросите меня и намаз за вас прочитать». Тем не менее, за годы жизни в Казани он на свои средства построил около 20 мечетей и медресе. Известен случай, когда он профинансировал строительство православного храма. Для изготовления фундамента будущего кафедрального собора в Оренбурге он заказал наилучший строительный материал, а для того, чтобы фундамент получился крепким, со всей округи свез свыше миллиона яиц, на которых рабочие замешивали раствор. Этот собор в 30-е гг. был взорван, но фундамент остался цел и невредим. За подобные поступки и за поддержку новометодных медресе, некоторые сплеменники обвиняли Ахмед-бая во всяческих прегрешениях, распускали слухи, что он дружен с миссионерами. Его недоброжелатели искренне радовались его неудачам и горевали от его успехов. Ахмед-бай не обращал на них внимания, был силен духом и не отчаялся.

Риза Фахретдинов, описывая биографию Ахмед-бая, отмечает его явную экономность и прижимистость, балансирующую на грани склонности. Говорят, что если не заставляли обстоятельства, то Хусаинов на поездах и пароходах всегда путешествовал самым дешевым классом. Когда другие люди угощались в ресторанах пароходов, он раскрывал в своей каюте кулек с домашней снедью. Долго торговался с извозчиками, а письма старался пересыпать с нарочными, экономя на марках. Торговаться с ним было трудно, он бился за каждые полкопейки и достигал того, что товар покупал дешево, а продавал дорого. Он знал цену каждой копейке, которую заработал тяжелым трудом. Он говорил: «Кто копейку не ценит, тот и сам копейки не стоит». Даже самых уважаемых гостей он угощал обычной пшеницей, поэтому любители хорошо покушать обходили его дом с другой стороны и писали об этом оскорбительные статьи в газеты.

Ахмед-бай умер 10 декабря 1906 г. в Казани. На день смерти его состояние составило 1 миллион 600 тыс. рублей. Перед кончиной он думал не о своем деле, а заботился о просвещении нации, поэтому около 500 тысяч рублей завещал на образование мусульман. Он мечтал о светлом будущем своей нации и хорошо, что не дожил до революции 1917 г., когда все перевернулось с ног на голову.

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА-2009

Мы рады сообщить нашим чи-

тателям: во всех отделениях почты
России продолжается подписка на

газету «Татарский мир».

Наш индекс 39614 в ката-
логе «Пресса России».

Выписывайте и читайте газету
«Татарский мир»!

В этом же каталоге по индексу 39760
читатели могут подписаться на журнал
«Восточный свет».

Учредитель

Некоммерческое партнерство содей-
ствия развитию институтов гражданского
общества «Ватаным»

Газета зарегистрирована Министерст-
вом по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851
от 10 ноября 2004 года
В розничной продаже цена свободная.

Редакция:

115184, Москва, М. Татарский пер.,
д.8
Тел./факс.(495)951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки
и распространения)
E-mail: mail@tatworld.ru

Подписано в печать
20.02.2009 г.

Отпечатано в типографии

Р-мастер

Тираж 15 000 экз.